

18+

Наталія Тавриленко

*Столик
на двоих*

Сборник рассказов

Наталия Гавриленко

**Столик на двоих.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Гавриленко Н.

Столик на двоих. Сборник рассказов / Н. Гавриленко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-648270-8

Наталия Гавриленко — автор книг «Дочь капитана», «Жена капитана». По первому образованию — инженер-строитель, по второму — бухгалтер. В настоящее время — пенсионер. Прошла обучение на литературных курсах Б. Мирзы. В результате обучения и родилась третья книга — сборник рассказов «Столик на двоих», герои которых самые обычные люди, живущие среди нас. Они попадают в драматические ситуации: борются, страдают, переживают... Автор яркими зарисовками старается передать эпоху, в которой живут герои книги.

ISBN 978-5-00-648270-8

© Гавриленко Н.
© Издательские решения

Содержание

Пупсик	6
Моя «ссылка»	10
Праздники детства. Костик	12
Джувльбарс и Дельфин	16
Кусочек сливочного масла	18
Цунами	20
Чудесное спасение	24
«Калейдоскоп счастья»	26
О болезни, любви и кое о чем еще...	31
Отъезд с Курил и день ВМФ	35
О вреде курения или как трудно стать блондинкой	39
Почему Москва слезам не верит	42
Шел дождь...	47
Стальная проволока	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Столик на двоих

Сборник рассказов

Наталья Гавриленко

«Человек подобен дроби: числитель её – то, что человек есть на самом деле; знаменатель – то, что он о себе думает».
Л. Н. Толстой

Посвящаю друзьям, одноклассникам, студентам и преподавателям МИСИ и просто хорошим людям, украсившим мою жизнь.

© Наталья Гавриленко, 2025

ISBN 978-5-0064-8270-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пупсик

Моя младшая дочь переслала мне сообщение из социальных сетей: в Шотландии открылся детский сад для... взрослых. Они там могут отдохнуть от ежедневных забот, суеты и попробовать доделать то, что упустили в детстве. В течении дня они едят пиццу, делают поделки, строят конструкторы, рисуют, выходят на прогулки... И, главное, их там за все сделанное хвалят...

На меня нахлынули воспоминания... В садик я никогда не ходила и передо мной возник образ моей любимой игрушки – пупсика.

Я ответила дочери:

– Тогда мне нужен мой пупсик! Я в него не доиграла...

И послала смайлик рожицы с одной, катящейся из глаз, слезой...

В детстве у меня не было игрушек. Я их не помню. Почему? Может быть потому, что родители часто переезжали с одного места на другое? А может быть не считали нужным «баловать» ими детей? Не знаю. Помню только, что после посещения каких-либо гостей я начинала просить маму купить мне «такую же куклу», как у их дочки.

В нашей семье бюджетом распоряжалась мама и просить об этом отца было бесполезно: он безропотно сдавал свое военное жалование жене. Кроме бюджета на проживание, они всегда на что-то копили. Мама же своим строгим тоном находила «железные» доводы о «нежелательности» появления у меня куклы именно сейчас, и я понуро отходила от нее, чувствуя себя и ущербной, и обделенной одновременно. Она оправдывала свое поведение посулами:

– Вот приедем на «материк» и тогда все тебе купим.

«Материком» военные называли сушу от Владивостока до Белоруссии и зная, что мы попадем туда очень нескоро, я понимала, что моя мечта никогда не сбудется. Хотя продолжала в нее наивно верить: а вдруг?

Но вот однажды мама вернулась с работы с загадочным видом и большой коробкой в руках. Ее лицо озаряла улыбка, глаза сияли.

– Купила в нашем военторге пупсика. Ты посмотри какой он хорошенький! Просто красавец! – приговаривала она, доставая свое приобретение.

И действительно: в ее руках появился почти живой малыш длиной примерно пятьдесят сантиметров с прекрасной фарфоровой головой, с голубыми глазами, матерчатым туловищем, одетым в белые ползунки, с такими же крошечными ладошками и ступнями. Поверх ползунков была надета бледно-голубая кофточка с перламутровыми пуговицами-кнопками, под воротником был повязан белоснежный шарфик, а голову покрывала голубая шапочка с белым помпоном. На ногах уютно устроились пинетки небесного оттенка, на ладошках – белые варежки. При наклоне туловища он произносил слово «мама».

Я с восхищением смотрела на пупсика, пока мама с воркованием снимала с него каждую одежду и обрушила на нее слова благодарности:

– Ой, мамочка! Спасибо тебе! Он такой хорошенький! Теперь и у меня есть пупсик. Лучше любой куклы! – и попыталась прижаться к маме.

Но она тут же изменилась в лице и очень быстро погасила мой порыв, отстранив меня своей сильной рукой.

– Не напирай так. Это... пока не твой пупсик... Это... будет наш, общий пупсик. Понимаешь? Он очень дорогой и трепать его каждый день не надо. Тем более с подружками. Он будет сидеть в нашей с папой спальне на чемоданах, и ты по праздникам сможешь с ним играть. Хорошо?

Я уже все поняла... Мама уже все решила... Не видать мне пупсика. Никогда. Я развернулась и убежала в свою комнату, где заплакала. Я знала, что мама любила все всем «выдавать»: отцу – деньги на расходы, мне – новую одежду. А теперь дело дошло и до пупсика. Следом за мной вошла мама.

– Ну и чего ты рыдаешь тут? Вот кому рассказать, не поверят: из-за какой – то игрушки. Ты вот в комнате лучше приберись, – и ушла к себе в спальню, плотно прикрыв дверь.

Порыдав, я стала гладить нашу кошку, которая царапалась в дверь, а потом все-таки ее открыла, надавив мордой. Она мурлыкала, запрыгнула ко мне на колени и улеглась, свернувшись клубком. От нее шло тепло, умиротворение и я успокоилась, глядя ее по голове.

Шло время. Я смотрела на пупсика теперь только изредка, заходя к маме и отцу в спальню. Пупсик сидел в неизменной позе на горке из наших чемоданов, покрытых узким ковром. Мамины подруги, которые собирались в нашей квартире вязать вещи из шерсти, им всегда восхищались:

– Ну, надо же, какой красавец! Как настоящий! Что значит заграница... Нашим рахитичным уродцам нечета. Приятно взять в руки. А одежда какая? Я такой сроду и не видала. Да, умеют люди делать вещи.



Пупсик. Рисунок автора

Я слушала их восхищенные возгласы, радовалась за пупсика, смотря на него ласково. Женщины замечали это и спрашивали:

– Вот уж тебе, Наташа, повезло! Какого пупсика тебе мама подарила. Наигралась уже с ним?

Я смущенно опускала голову, говорила короткое «да» и уходила в другую комнату под строгим маминым взглядом. Она поправляла сдвинутую на пупсике шапку, усаживала его опять «ровно» и говорила, как ни в чем не бывало:

– Да играет она с ним... Каждый день... Ну что там у нас сегодня? Шапочки вяжем?

Допускалась я до «моего» пупсика по праздникам. Тщательно мыла руки и брала его легкое тельце. Прижимала к груди, пела колыбельную песенку, укладывала спать в кроватку. Если в следующий раз он у меня «болел», я была «доктором» и слушала через трубку его дыхание, прописывала ему лекарство, делала в ягодицы «уколы», разговаривала, как с маленьким.

Мама часто прислушивалась к тому, как я с ним играю. В игры не вмешивалась, но потом переспрашивала меня, где я слышала ту или иную фразу. Я отвечала, что их говорили гости, которые к нам приходили. Она делала из этого «свой вывод» и прежде, чем начать разговор с кем-либо из вновь пришедших, выпроваживала меня за дверь со словами:

– Здесь будут взрослые разговаривать. Иди к себе, поиграй.

Пупсика при этом мне не давала.

Прошли годы. Я училась в столице в институте и приехала на каникулы домой.

– Мама, а где мой пупсик? Что-то я его не вижу...

Мама пошла в кладовку и принесла то, что теперь называлось пупсиком. У него была расколота голова, голубые глаза запали вглубь и разлетелись пополам, одежда, неопрятная и истерзанная, висела на его тельце кое-как.

Я закричала от неожиданности:

– Мама, что с ним случилось? Кто его изуродовал? Моего любимого?

Мама устало посмотрела на меня и произнесла буднично и не торопясь:

– Приходили соседи. Их внучка попросила куклу поиграть, я дала пупсика, она его уронила. Вот и все. Да что ж теперь горевать? С ним давно никто не играет.

Я взяла пупсика, еще бережнее, чем в детстве, сняла с него замурзанную одежду, взяла папин пинцет и стала по крупинкам восстанавливать роговицу разбитого вдребезги глаза. Сидела и корпела над ним долго. Получилось подобие зрачка, но не глаз. Скорее, глаз инвалида.

– Пустая затея. Не восстановить. – Мама подошла сзади посмотреть, что я делаю с пупсиком.

Я не выдержала и зарыдала так же, как в детстве, а может быть и сильнее.

– Ну, вот... Опять ты плачешь из-за этой игрушки... – Мама плакала вместе со мной...

Давно нет на этом свете моей строгой мамы... Нет пупсика-инвалида, который затерялся в сумятице последнего переезда родителей и невозможно понять, почему на щеках у меня, как и прежде, две соленые дорожки. Детство давно кончилось. У моих ровесников вместо пупсиков бегают внуки...

Сейчас, когда у меня самой есть две взрослые дочери, я поняла свою маму: у нее, в ее голодном, холодном, послевоенном детстве тоже не было ни одной игрушки. И когда она сказала, что это будет «наш, общий», пупсик, она так же возвратилась в свое детство и... взяла меня с собой. Поделилась своей игрушкой... Самой заветной... Поэтому она так его берегла и хвасталась перед подругами... Разве мне, своему обидчивому и ранимому ребенку, она могла все это объяснить? Что малыш хрупкий... И с ним надо бережно обращаться... И совсем разбитого она не выбросила его, а сохранила, как могла... Знала, что я буду его искать... Прости меня, мамочка... Теперь я все поняла...

Дочь написала мне в ответ: «Не волнуйся, мамочка! Поищем твоего любимого пупсика. Надо же и тебе «доиграть...»

Я улыбнулась сквозь слезы: лучше поздно, чем никогда...

Моя «ссылка»

Эта история произошла в семье моих родителей в годы хрущевской «оттепели». Моего отца-военного послали в город Владимир на курсы переподготовки. Поехали всей семьей: родители и мы с братом. Мне был год, брату пять лет.

Родители стали искать жилье в частном секторе. Но не тут-то было: семью с двумя детьми никто брать не хотел. Причины никто не объяснял, но и так было понятно: плачь, шум, стирка... Комфортным такое соседство назвать было трудно.

Обойдя почти весь частный сектор, отец нашел пожилую женщину, которая разрешила им вселиться, но... только с одним старшим ребенком. Обосновала это тем, что комната, где семье предстояло жить, маленькая и там помещались только кровать, шкаф и сундук. На нем предлагалось спать моему брату.

Родители думали, что же им делать? Горевали, а сроки поджимали: отцу надо было приступить к учебе. Мама безутешно плакала, не представляя, как можно предъявлять людям такие жестокие требования, фактически лишать ребенка родителей, разрывать семью...

Наконец, родители приняли решение: отвезти меня к моим бабушке и дедушке в белорусскую деревню, где жили родители моего папы. «Старикам» было по пятьдесят девять лет. Так же плача, мама собрала меня в дальнюю дорогу, оставив брата на попечение хозяйки. Родители тронулись в путь.

Не сказать, что бабушка и дедушка обрадовались, получив такой неожиданный «подарок» в виде малолетнего ребенка. Им все-таки было много лет, да и труд в колхозе никто не отмечал. Но меня взяли. Не могли они отказать родному сыну. Оставив меня, родители вернулись к Сереже.

Из деревни приходили письма, где дедушка писал неизменным химическим карандашом, что живется мне хорошо и даже прекрасно: я пью молоко, ем свежайший творог, здоровею и крепну. Телефонов в деревне не было и родители узнавали о моей жизни из скупого дедушкиного повествования.

Мама устроилась на работу, папа ходил на учебу, а Сережу запирали в той самой маленькой комнате и просили сидеть тихо до прихода родителей. Оставляли карандаши, еду и он с упоением рисовал танки, самолеты, «войнушку», тихо коротая время за дверью. Родители объяснили ему, что хозяйка не любит шума и что сестру из-за этого отвезли в деревню. А если он будет шуметь, то их всех выгонят на улицу и им негде будет жить...

Сережа был смышленным мальчиком: чутко улавливал настроения в семье и все мамины просьбы выполнял неукоснительно. Тем более по ночам мама плакала по мне, и хоть старалась делать это тихо, в подушку, это слышали в доме все, в том числе, и хозяйка.

Женщина она была одинокая, бездетная, но по какой-то причине мой брат ей приглянулся, и она всячески пыталась «выманить» Сережу из комнаты. Приносила под дверь еду, сладости, но брат дверь не открывал, еды не брал и... молчал. Он вполне соответствовал своей фамилии. Женщина часто плакала, стоя перед запертой дверью и уговаривала брата «выйти погулять»...

Что происходило в ее душе – непонятно. Но, видимо, плачь моей мамы по ночам, молчание брата за дверью, разбудили в сердце хозяйки какие-то человеческие чувства и она, перешагнув через свой комфорт и удобства, совершила настоящий поступок.

В один прекрасный день хозяйка объявила родителям, что она уступает им самую большую комнату в доме, чтобы они туда переселились. Перестали, наконец, «мучить» мальчика и держать его взаперти. А самое главное – разрешила привезти из «ссылки» меня.

Радости родителей не было конца. Мама бросилась к хозяйке, расцеловала ее и обе заплакали. Папа просто поблагодарил женщину и обещал во всем помогать по хозяйству. А Серёжа вышел из своей комнаты и тихо сказал «спасибо».

Родители съездили в деревню и семья воссоединилась. Сережа теперь играл и рисовал на глазах у хозяйки за большим круглым столом, чем доставлял ей огромную радость. Тут же бродила и я – теперь пожилая женщина стала моей няней...

Праздники детства. Костик

Больше всего в детстве я любила предновогодние деньки. Как говорят в народе: важен не сам праздник, а подготовка к нему... Особенно запомнились они в мои подростковые годы на Камчатке...

– Доченька, завтра встречаем Новый год. Может Сережа приедет... Я буду на дежурстве. Ты, пожалуйста, помоги маме. Хорошо? – говорил папа, наматывая на ноги шерстяные портянки и натягивая сапоги. Он собирался на суточное дежурство.

– Как жалко... – я насупилась и обняла отца, словно мы прощались не на сутки, а на целый год. Конечно: расстаемся в прошлом, а увидимся только в будущем году.

– Зато я тебе поручу очень важное дело. Ты откроешь шампанское!

– Да? Папа, а как я его открою? – спросила я, поняв всю ответственность возложенного на меня поручения.

– Да очень просто: аккуратно снимешь фольгу, отогнешь петельчку и потихонечку ее открутишь. Пробка поползет вверх и вылетит. Шампанское польется, и вы подставите свои бокалы. Чокнетесь и встретите Новый год под бой курантов. Всего и дел то... – папа улыбнулся своей доброй улыбкой, зародив ею чувство гордости, что именно мне, а не маме, вечно боявшейся хлопков из бутылки с шампанским, доверили такое важное мероприятие...

– Хорошо, папочка! Сделаю! – На прощание сказала я, сомкнув руки на его шее и прижалась своей щекой к его, пахнувшей «Шипром», щеке.

– Только запомни: шампанское должно быть охлажденным и открывать его надо перед самым Новым годом. За пять минут. – Отец повернулся к нам с мамой, приложил руку к зимней шапке с кокардой и, щелкнув каблуками, отчеканил по-военному:

– Дорогие мои! От имени командования части и от себя лично поздравляю вас с наступающим Новым годом! Ура! – поцеловал нас и ушел.

– Ура!!! – мы с мамой вопили ему вслед и махали руками.

Наступило тридцать первое декабря. Мама запаслась распределенными в военторге двумя зеленоватыми баночками майонеза и бутылкой шампанского, которую выдавали по одной на семью. Вместе мы готовили праздничные блюда.

Салат «оливье» был одним из первых. Затем подоспели «селедка под шубой», красная рыба, икра, уложенная в белки от куриных яиц, заливная рыба и холодец. Последние два блюда готовились заранее и хранились в кладовой, где температура была ненамного выше уличной.

Шампанское и бутылки с лимонадом мама поставила во главе стола часов в восемь вечера:

– Пусть пока тут постоят. А то еще лопнут в кладовке. Мороз то за двадцать.

Мы ждали приезда брата из суворовского училища и сервировали стол.

– Поставь еще две тарелки. Может соседи придут, – предупредила мама, не любившая тихие компании в праздники.

Пока она под веселые новогодние мелодии, доносившиеся из радио, возилась на кухне, я наводила порядок в комнате. Телевидения в поселке не было и смотреть было нечего. Я косилась краем глаза на украшенную гирляндами новогоднюю елку, на заиндевелое синее окно и... на бутылку с шампанским:

«Надо же потренироваться с фольгой... Как ее там открывают?» – внезапно пронеслось в моей голове.

Я начала осторожно, как учил папа, снимать фольгу. Потом руки потянулись к петельке:

«Сделаю всего два оборота и все... чтобы потом легче было», – и стала поворачивать петельку...

Чем это все закончилось, нетрудно догадаться. Когда пробка неожиданно полезла вверх, было уже поздно... Я орала и звала маму:

– Мама! Скорее беги сюда!

Когда она ворвалась в комнату, полбутылки пенной жидкости, как из огнетушителя, вылилась на елку, на салаты и стены комнаты. Мама посмотрела на меня, как на «врага народа» и только выдавила:

– Ну вот: «встретили» Новый год...

Вместе мы уносили на кухню тарелки, обильно политые шампанским. Не допуская больше меня к блюдам, и шлепая по протянутым «нескладным» рукам влажным полотенцем, мама колдовала, «реанимируя» блюда к дальнейшей жизни.

Поменяв скатерть на новую, вымыв и вытерев все тарелки, проветрив комнату морозным воздухом, мы снова сервировали стол. Теперь салат «оливье» был отставлен на самый дальний край стола, чтобы соседи, если бы появились, дотянулись к нему в последнюю очередь: репутация у него была «подмоченная»...

Зато появился салат из настоящих крабов – мама до сих пор его держала в кладовой. Остальные блюда пострадали меньше и были благополучно возвращены на свои места.

Открытая бутылка с шампанским красовалась посередине стола, наполняя комнату кислотовато-сладким запахом. Вечером пришли соседи: принесли свою бутылку шампанского и долго интересовались:

– Чем это у вас так пахнет?

Мама поведала им историю с моим опытом открывания бутылки с шампанским и все долго смеялись над моей «изобретательностью».

Сережу в этот вечер мы так и не дождались: он прилетел на следующий день и появился в проеме двери нашей квартиры: стройный, в черной суворовской форме с красными лампасами, с шапкой набекрень. Уши были красные, отмороженные: форсил и передвигал шапку с одного уха на другое – смотрите все – суворовец идет!

Радости нашей не было предела: мы с мамой повисли на нем, как игрушки на новогодней елке. Пока он стоял в прихожей, обнимая нас с мамой, я ощутила промерзлый холод его, настуженной морозом, шинели и старалась помочь расстегнуть пуговицы на ней. Они были ледяные, обжигающие холодом. Брат с помощью зубов стянул кожаные черные перчатки, единственное приобретение из всей формы, которое воспитанники покупали за свой счет. Руки были ледяными.

– Господи, сыночек, руки ледяные... Как же ты шел?

На наши охи и ахи брат только улыбался...

Совместными усилиями, мы «вытряхнули» Сережу из шинели, надели на его ноги домашние теплые тапочки и дав умыться с дороги, ждали к столу. Мама кружилась вокруг него, как птица, угадывая каждое движение любимого сына, и произносила любящим голосом:

– Мой сыночек дорогой! Как ты вырос! Выше меня уже на голову... Что ж ты у шапки «ушки» не опустил? Ведь совсем отморозил, поди?

– Не положено, мама. Или «уши» у шапки опущены и воротник поднят или вот так, как пришел. Форма. Устав, – не спеша фыркая под умывальником, ответил брат. Мама протянула ему чистое полотенце, еще раз ласково проведя по его пунцовой щеке.

– Ну, пойдемте... Сядем, покушаем. Папа сменится и сядем за праздничный стол, отметим Новый год.

Брат застегнул маленькие, отливающие золотом, пуговички на гимнастерке и присел на табуретку к кухонному столу.

– Сыночек, бери все, что захочешь. Что тебе положить? – Мама суетливо тыкалась в тарелки, пытаясь угодить брату.

– Мама, ты присядь, не беспокойся. Я сам все возьму. Салат из крабов, икорки папиной и рыбки. И чаю хочу, горячего, крепкого, душистого... в моей большой кружке. Можно?

– Конечно, мой дорогой. Кушай на здоровье...

Я смотрела на их милое воркование: мой братик снова дома...

Больше всех рад был сам Сережа: он дома... среди самых родных людей, в тепле и юте, где его любят и всегда ждут...

Праздник продолжался! Пришел с дежурства папа и все снова сели за праздничный стол, обсуждая мои проделки.

В те годы новогодние праздники длились всего два дня. После этого народ стройными рядами шел «выполнять план». Военные несли службу без всяких скидок на праздники и выходные. Только у школьников наступали зимние каникулы. Но лично мои новогодние приключения продолжались.

– Ну, что, Серега, пробежимся завтра по лыжне за корюшкой? – папа бодро посмотрел на нас с братом.

– Какая вам лыжня? На улице минус двадцать. – сказала мама. – Ребенок чуть уши не отморозил... Корюшка тебе... Дома сидите!

– Нет, лично я в кино иду... Меня Костик на семь вечера пригласил. – Важно оттраптовала я.

Мамас удивлением повернула голову в мою сторону и с тревогой в голосе сказала:

– Костик? Пригласил? И с каких это пор вы ходите по кино? Что-то я не припоминаю, – говорила она, оглядывая на вешалке мою шубу.

– И шуба у тебя старая... Как ты быстро растешь... Надо бы новую тебе купить.

– Надо! – Обрадовалась я.

Ни на какие «женские» темы мы с мамой не разговаривали. Я стеснялась о чем-либо спрашивать, а маме и в голову это не приходило. Она работала в своей санчасти на двух ставках. А это означало, что ее не было дома весь день. Вот и про нашу дружбу с Костиком, сыном военных, живших в доме напротив, который был на год старше меня, она узнала последней...

– Наташа, доченька, оказывается ты... вы с Костиком... дружите? Господи, ну ты хоть знаешь, откуда дети берутся? Вам в школе рассказывали? – она испуганно смотрела на меня, пытаясь осмыслить степень нашей дружбы.

– Не волнуйся, мама, рассказывали. Тебе же некогда рассказать – ты всегда на работе, – мне неприятно было «копание» в моей «личной» жизни. – Не волнуйся, пожалуйста. Все нормально. До детей пока не дошло.

Бедная мама ведь не знала, что мы еще ни разу не поцеловались.

Костик мне казался принцем из сказки, человеком небесной красоты. Блондин с зелеными глазами, крепкая фигура – от всего этого можно было сойти с ума или таять, как ледышка под весенним солнцем. Конечно, это была настоящая первая любовь. Дружили мы странно: могли часами говорить по телефону, ходить на секцию баскетбола, но вместе, именно вместе, никуда не ходили.

И вот Костик осмелел до такой степени, что пригласил меня в кино. Ура! Свершилось! Мы пойдем вместе! Фильм был русско-итальянский и назывался «Красная палатка» про освоение Арктики. Я была на «седьмом небе» от счастья.

Мое влюбленное воображение рисовало идиллические картины: вот мы вместе, держась за руки, идем по улице в кино. Обязательно о чем-то живо и весело беседуем. На нас все смотрят и улыбаются, а мы не замечаем их взглядов. Идем себе, глядя только друг на друга влюбленными взглядами.

В кинотеатре он галантно откроет передо мной дверь в кинозал, я пройду не спеша, медленно, ведь до начала сеанса еще несколько минут. Костик будет идти следом за мной,

и весь зал увидит, что у меня есть парень, галантный кавалер, который пока очень молод, но не стесняется меня нисколечко. Он горд и рад находиться подле меня.

В реальности все происходило так. Костик разорвал билеты на два отдельных, протянул мне мой, и сказал, что мы встретимся в кино. Я одна шла по улицам поселка. Явилась за пятнадцать минут до начала сеанса. Оглянулась вокруг – Костика нигде не было. Прозвенел первый звонок, люди пошли в зал и стали рассаживаться по местам.

Так я достоялась до последнего, третьего звонка, и одна вошла в зал. Молча пробралась на свое место. Оно оказалось в центре зала. Костика не было. Только когда полностью погас свет и начался киножурнал, предваряющий начало фильма, из—за портьеры в зал прошмыгнула темная фигура Костика. Он плюхнулся рядом со мной в кресло. Да, кавалер, нечего сказать...

Домой я шла одна. Обиделась. Позже я ему сказала, что если он так всего боится, то пусть и в кино ходит с кем-нибудь другим. Больше в кино мы не ходили.

А новогодние праздники катились дальше: утренники, карнавалы в школе. Десять дней пролетали быстро: со сказочным серебристым блеском лыжни в тундре, походами с отцом за корюшкой к океану, катанием с гор на санках и лыжах, построением снежных крепостей, откапыванием своих домов после тайфуна, питьем сока брусники из бочки, стоявшей в кладовой и укутанной войлоком от промерзания.

У нас, подростков, не было ни одной свободной минуты: лыжные пробежки сменялись баскетболом в спортивном зале, походами в кино, участием в художественной самодеятельности. Мы были везде нужны, нарасхват, нами гордились. Когда человек занят делом, ему некогда скучать, и того хуже – хандрить. А для этого человек должен быть всегда кому-нибудь нужен.

А что же мой Костик? Дружить мы продолжали «на людях», больше не «уединялись».

Во-первых, мне не нравился пристальный взгляд моей мамы, как – то придиричиво меня оглядывавшей после каждого возвращения откуда-либо. И, во-вторых, Костика такие отношения вполне устраивали. Он больше наблюдал за мной издали: мог сидеть на лестнице их дома и часами смотреть в мое окно, расположенное напротив. Что он там хотел разглядеть в дневное время? Непонятно...

На тренировках в баскетбол тренер ставил нашу девичью команду против команды мальчишек. Разумеется, там был и Костик, он всегда оказывался «отбирающим» мяч именно у меня. Этим он злил меня ужасно. Мальчишки были намного подвижнее нас, конечно же сильнее, проворнее и изобретательнее. Зато и наше мастерство росло, чего тренер и добивался.

В последний день нашего пребывания в поселке, когда мы навсегда покидали полуостров, папа принес мне большой букет полевых цветов, обнаруженный на крыльце:

– Доченька, а это, кажется, тебе...

Папа был смущен не меньше меня. Когда за нами приехал командирский «Газик», и мы стали усаживаться, Кости вырос, как из-под земли, протянув мне листок бумаги: это был его здешний адрес и адрес его бабушки в Бузулуке:

– На всякий случай... Пиши... Мне...

Под пристальными взглядами моих родителей и родителей Костика, подошедших проводить нас, мы не посмели ничего путного сказать друг другу, не то что прикоснуться... Эта дорожка так и осталась непроторенной в наших отношениях.

Когда самолет взмыл ввысь над тундрой, я увидела огромный черный дым и огонь. Это Костик передавал мне последний привет пламенем костра из пылающих покрывшек... Потом были только письма... Много писем...

Мы были счастливы. А разве счастливые люди замечают это состояние? Самое счастливое и беззаботное время – наше детство...

Джультбарс и Дельфин

На Камчатке мой отец «заменял» офицера, уезжавшего на место службы нашего отца. У них была восточно-европейская овчарка по кличке Джультбарс.

Собаку наши заменяшки с собой не взяли. Сказали, что не повезут его через всю страну. Попросили нашего папу или оставить себе, или подыскать ему нового хозяина.

Папа собаку не хотел. Охотиться она не умела. Да и как оказалось впоследствии, Джультбарс боялся выстрелов. Стоило навести на него хотя бы палец и громко сказать «пуф», как он поджимал хвост и трусливо прятался в будку. Долго там дрожал и не показывался. Знали о таком недостатке все соседи.

Наконец, отцу представился случай отдать Джультбарса в «хорошие руки». Мимо нашего дома проезжал подвыпивший пограничник на лошади. Джультбарс яростно гавкал, срывался с цепи. Отец сказал, как бы, между прочим, что собака хорошая, пропадает без дела. Возьмите, мол, на границу для охраны.

Пограничник упираться не стал, и уже потянулся за поводком для Джультбарса, как откуда не возьмись, появился соседский пацан Сашка и, выставив на пса указательный палец, громко крикнул:

– Пуф, пуф, пуф!

Случилось то, что должно было случиться: собака тут же поджала хвост, уши и, громко звеня цепью, умчалась в будку. Сначала в воздухе повисла пауза, а потом раздался дикий хохот раскачивающегося на лошади пограничника. Отец стоял обескураженный и зло поглядывал на соседского пацана.

Я перехватила взгляд отца. В ту же секунду Сашка был схвачен моими цепкими руками и ему было «навалено» ровно столько, сколько он заслужил. Больше он не приближался к нашему дому. Вдоволь насмеявшись, пограничник поехал дальше, бормоча себе под нос:

– Ну, надо же, чуть не вляпался с этой собакой.

Но участь Джультбарса все же была предрешена. Ровно через месяц мимо нашего дома проходили геологи. Они взяли Джультбарсика без всяких уговоров для охраны. Сашки в тот момент поблизости не было. Так решилась судьба этой красивой, но пугливой собаки.

Но, видимо, жить нам без собаки была не судьба.

Как-то отец с братом возвращались домой с охоты, и услышали в сгустившихся осенних сумерках протяжный вой. Щенячий визг доносился с военного стрельбища. Было уже довольно темно. Но папа и Сережа нашли щенка. Его голова изуверским образом была просунута в отверстие доски, и оттуда он уже не мог ее высунуть. Папа исхитрился, расколочил ножом довольно толстую доску и вытащил его голову из отверстия. Щенка принесли к нам домой.

Сначала решили маме ничего не говорить и спрятали его в кладовке: еще свежа была в памяти эпопея с Джультбарсом.

В первый же вечер щенок, оставленный в кладовой без присмотра, залез четырьмя лапами в кастрюлю с борщом и оставил всех без ужина. Позже он доел этот борщ сам.

Найдёныш маме понравился и остался у нас жить. Назвали его Дельфин, потому как он умело «плавал» в борще. Впоследствии Дельфинчик вырос в прекрасного пса. Мы его все очень любили. Он так смешно просил лапками что-нибудь из еды, что все умирали от хохота и всегда одаривали его вкусеньким кусочком.

Зимой я каталась на нем на санках. Возил он меня легко и с удовольствием. Всегда ходил с отцом на рыбалку, охоту. Первый чуял землетрясение и начинал выть, предупреждая нас об опасности.

В последний год нашего пребывания в поселке какой-то злыдень ударил Дельфина по спине и перебил ему позвоночник. Дельфин сам приполз домой. Он долго ползал, таща

за собой перебитые ноги и... медленно умирал. Похоронили мы его в тундре, на воле, которую он так любил...

Кусочек сливочного масла

Это было в далекие шестидесятые годы. Вечером мама затеяла печь печенье. Кинулась, а масла нет.

– Доченька, вот тебе рубль, сбегай в магазин и купи триста граммов сливочного масла.

Мама была в прекрасном настроении, и оно передалось мне. Зажав бумажный рубль в кулаке, я выбежала вприпрыжку из дома. Я летела по улице вихрем, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге...

Стояла теплая осень. Из садов частных домов доносился сладковатый запах спеющей изабеллы, тянуло дымком жженных листьев.

Дом, в котором наша семья недавно получила новенькую двухкомнатную квартиру, находился на отшибе. До ближайшего магазина нужно было идти три квартала.

В гастрономе я рассмотрела, где на прилавке лежал большой прямоугольник из желто-белого сливочного масла, который только что продавцы тонкой проволокой разделили на небольшие бруски. Не замечая очередь из взрослых, утомленных людей, я подлетела к прилавку и бодро выпалила:

– Мне триста граммов сливочного масла!

Продавщица не разделила моего веселого настроения и, не смотря на меня, вернула мне рубль. Будничным и усталым голосом произнесла:

– Девочка, встань в очередь.

Я упрямо молчала и даже не подумала сдвинуться с места.

«Как она не понимает, что мне нужен только один кусочек масла. Всего триста грамм. Зачем мне из-за одного кусочка стоять целую очередь?»

Очередь медленно двигалась мимо меня, никак не кончаясь... Я упорно стояла рядом с меняющимися покупателями, наблюдала, как уменьшается в размерах большой прямоугольник сливочного масла, от которого то и дело большим ножом отрезали увесистые куски продавцы. Продавщица упорно меня «не замечала»...

В мою обиженную голову стали приходиться мысли:

«А хватит ли мне масла? Вон, сколько народу и все не кончаются и не кончаются...».

К прилавку подходили все новые и новые люди, уставшие, проделавшие неблизкий путь к прилавку: за куском колбасы, масла, ветчины.

Теперь уже дородная женщина, поравнявшись со мной и став первой у прилавка, нраво-учительным и ядовитым голосом, прошипела громко, чтобы вся очередь слышала:

– Не упрямясь! Встань в очередь, как все! Вот встала бы и давно все купила!

– Да пусть стоит, раз ей так нравится, – раскатисто вторил ей пожилой мордатый дядька с красным носом.

Я упрямо тянула вверх прозрачного прилавка свой скомканный рубль и шептала:

– Мне... триста...

Меня никто не замечал. Я продолжала стоять. За окном сгустились сумерки. Часы на стене в гастрономе показывали время начала вечерней сказки для малышей. Прямоугольник с маслом стал маленьким, но еще виднелся из-за стекла прилавка.

«Бросить все и уйти? А что я скажу маме? А вдруг это последнее масло, а их вон сколько и не кончаются».

Эти мысли стали проноситься в моей усталой головушке.

Я отлепилась от прозрачного прилавка и, понурив голову, встала в конец очереди. Через тридцать минут уже протягивала свой мокрый от пота рубль и срывающимся голосом выдавила из себя:

– Мне... триста... масла...

На что вдруг внезапно повеселевшая продавщица ответила:

– Вот и умница... Вот и молодец... Встала бы в очередь раньше, уже бы дома была и сказку смотрела. Надо же уважать старших.

Схватив кусок масла, завернутый в плотную коричневую бумагу, я с ревом выбежала на улицу, где сияли уже вечерние фонари. Шла быстрым шагом и ревела в голос.

Около дома метались силуэты перепуганных папы и мамы. Когда я подошла к подъезду, уже выплавав весь запас влаги, мама спросила:

– Доченька! Ну, наконец-то! Где ты так долго была? Тебя не было три часа! Мы уже не знали, что и думать... Где тебя искать...

Папа порывисто привлек меня к себе, крепко обнял и молчал...

– Я за маслом в очереди стояла, – низко опустив голову, тихо прошептала я.

Мама тоже прижала меня к себе, обняла, гладила по волосам, целовала и недоуменно спрашивала как бы сама себя:

– Где же ты нашла такую длинную очередь? А, доченька?

Цунами

На Камчатке я очутилась благодаря своему отцу. Военная стезя забросила его туда служить нашей родине. Оказавшись на долгие четыре года в самом центре полуострова, мы обжились, приспособившись к превратностям местного климата.

Зима длилась нескончаемо долго – последний снег таял в самом начале июня. Одноэтажный коттедж на четыре семьи, в котором мы жили, заносило липким снегом по самый конек крыши, где виднелась только оконечность печной трубы. Отец всегда старался откопать ее в первую очередь, так как подтаявший снег своей массой мог снести трубу в одночасье, подобно лезвию бритвы, рассекающей лист бумаги.

Пурга могла мести по три дня, не давая жителям, в прямом смысле слова, высунуть нос из дома. Наружную дверь откапывали или сами жильцы, или команды из солдат, приходившие на помощь всем жителям поселка.

Лето начиналось поздно и пролетало быстро и незаметно. Осень же была самым благодатным и красивейшим временем года. Она одаривала жителей ягодами, грибами, рыбой, дичью. Жители воинской части семьями выезжали в тундру и к океану на крытых грузовиках, где собирали ягоды, грибы, мужчины охотились и рыбачили.

Все наслаждались красотой осенней природы. Еще стояли теплые погожие деньки и воздухе разливался неповторимый запах спелых трав, ягод и солнечного янтарного света, вестника наступившей осени. Этот благодатный период длился полтора, два месяца и обрывался резко, в одночасье.

Начинались первые заморозки, летел пушистый октябрьский снежок. Люди готовились к зиме... Шла заготовка квашенной капусты, которую солили в больших бочках и держали в кладовке, обмотанной толстой войлочной попоной от промерзания.

Нас периодически трясли землетрясения, частенько в словах местных жителей проскальзывала тревожная фраза:

«Лишь бы не было цунами...»

Я приставала к отцу с расспросами, что такое цунами? Он отшучивался. Убеждал нас, что это «сказки» местных камчадалов. В конце концов, я сама узнала, что это за явление такое, которого все так боялись.



Цунами

Цунами – огромная океанская волна высотой с девятиэтажный дом, сметающая все на своем пути. Это была теория. На практике же, что такое цунами, мне пришлось испытать вскорости.

В седьмом классе шел урок домоводства. Мы шили ненавистные фартуки. Учительница попалась дотошная, проверяла каждый стежок, шов, чем доводила нас до иступления.

За окном сияло зимнее солнышко, мороз разукрасил причудливыми узорами стекла школьных окон. Скрип снега раздавался из-под подошв проходивших мимо людей. Пар, вылетающий из ртов прохожих, говорил нам о том, что там, на воле, легкий морозец и рай...

Вдруг до нас донесся топот нескольких десятков пар сапог и характерный хруст снега. Мимо школы бежали солдаты в полной военной выкладке. Все девчонки, как по команде, повинаясь необъяснимому чувству сплочения, прильнули к заиндеветым окнам. Мусолили теплыми пальцами прогалины на стекле, чтобы лучше рассмотреть происходящее.

Учительница тоже поддалась общему порыву и, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до открытой форточки, выкрикнула в морозный воздух пробегающему строю солдат:

– Что случилось?

Один, довольно звонкий и веселый голос, ответил:

– Цунами! Спасайтесь!

В следующую секунду все обитатели класса, ранее, как по команде прильнувшие к окну, отхлынули от него. Все происходило именно так, как описывали в учебниках тот природный процесс, о котором только что прокричал голос за окном. Вмиг опустела вешалка с шубами и шапками. Все неслись прочь из класса, опрокидывая стулья и не обращая никакого внимания ни на учительницу, ни на ее растерянный крик:

– Девочки, куда вы?

А девочки уже мчались, что есть духу, вслед за убежавшими солдатами по обледенелой и накатанной зимней дороге. Каждая спешила к себе домой, чтобы предупредить родителей о надвигающейся беде.

План спасения был известен в поселке всем: схватить «тревожный чемоданчик» с документами, ценностями и бежать всем вместе на ближайшие сопки, спасая свои жизни.

Я неслась среди своих подруг, не обращая внимания ни на мороз, не на расстегнутую шубу. В мозгу гулко билась одна единственная мысль:

«Только бы они были дома...»

Я вбежала в дом. Все мельтешило перед глазами, в горле сухо першило. Я жутко хотела пить, но нигде не остановилась и ворвалась в спальню родителей.

Передо мной предстала идиллическая картина: мама уютно лежала в постели и что-то вязала на спицах. В ее ногах мило устроилась наша кошка, теплый свет торшера создавал уют, из транзистора лилась легкая французская мелодия...

Увидев меня в таком необычном и встревоженном виде, мама потянулась ко мне с неммым вопросом на изменившемся от страха лице. В ту же минуту я прокричала осипшим голосом:

– Мама, цунами! Что ты лежишь? Собирайся! Где папа?

Мама тут же вскочила с кровати и, с охами и ахами, стала цеплять на свои волосы драгоценный шиньон, писк моды парикмахерского искусства того времени. Он с недавних пор стал украшать ее прическу.

– Папа ловит корюшку! О, Боже... – сказала она и осеклась...

Мы обе знали, где эта ловля происходила и как это не близко от дома.

Я выбежала на крыльцо, села на стул, на котором обычно сидел отец в минуты отдыха от домашних дел, и стала вглядываться в широкую безбрежную равнину, в которой еще рано утром он скрылся – большой любитель ловли этой распроклятой корюшки.

Я сидела и смотрела напряженно вдаль, и мысленно зывала к нему:

«Папа, папочка, родненький! Ну, брось ты ловить эту корюшку и скорее иди домой! Как мы тебя ждем!»

Вдруг в этой бескрайней, холодной, сияющей снежной равнине вдали появилась маленькая черная точка! Седьмым или сорок седьмым чувством я поняла, что эта «черная» точка и есть мой папа! Я забежала в комнату с криком:

– Он идет! – чем несказанно обрадовала маму.

Позже родители спрашивали меня, как я узнала, что это идет мой папа? Я не понимала их сомнений и просто отвечала:

– Как... Почувствовала!

Тем временем вокруг творилось что-то невообразимое... В соседних домах также сновали дети и их родители. Чувствовалось напряжение в воздухе. Наши соседи и их дочери, мои подруги, пришли к нам со своими вещами и ждали дальнейших указаний. Все вещи были собраны и горкой лежали в коридоре.

Мы с подругами водрузились вокруг кастрюли с тушеными куликами —нашей с папой осенней добычей. Кулики тушили целыми тушками, укладывали в банки, заливали жиром и ждали зимы, чтобы съесть их с вареной рассыпчатой картошечкой, квашенной капусткой и другими деликатесами, предусмотрительно заготовленными щедрой осенью.

Мама, проходя мимо, обескураженно посмотрела на нашу трапезу, сказав:

– Ешьте... Чего уж теперь...

Нашу кошку я периодически брала на руки, но она по каким-то, одной ей известным причинам, прыгивала с них и уходила лежать на свое законное место за печкой. Дельфин, наш пес и охранник, выволакиваемый мной из будки, явно тоже никуда не собирался...

«Что же это за непослушание такое?» – думала я, обводя глазами разношерстное общество...

Отец появился на крыльце дома в тот момент, когда я и мои подруги выскребали хлебушком дно кастрюли. Оно было чистым – это было все, что осталось от тушеных куликов. Я выбежала, услышав характерное постукивание замерзших лыж о крыльцо. Так отец сбивал

наледь на лыжах. Вид у него был усталый. И немудрено: путь занимал только в одну сторону пять с лишним километров. И это на лыжах с полной выкладкой рыбака, любителя подледного лова.

Несколько часов ловли корюшки на приличном морозе. Возвращение уже с поклажей тем же путем. Когда просто с заплечным мешком, полным рыбы. Иногда с пристегнутыми к поясу поводьями санок, тяжело груженными добычей. Это были особенно удачные дни, доставлявшие отцу нескрываемую радость и удовлетворение. В такие дни глаза его светились радостью на усталом, загоревшем на зимнем солнце лице.

Вот и сегодня лицо выглядело усталым, осунувшимся. Он подал мне тяжелый мешок с корюшкой и поинтересовался, что случилось и почему у нас столько народу? Я быстро повторила все, что знала на сию минуту: солдаты, цунами, надо спасаться...

Выслушав мою скороговорку с объяснениями, отец пристально посмотрел на меня, на спокойно вилявшего хвостом Дельфина и произнес:

– Непохоже... Разберемся, – и прошел в спальню мимо моих, покрасневших от сытого и непредвиденного обеда, подруг. Мимо мамы и женщин, терпеливо ожидавших его дальнейших указаний. На ходу снял тяжелый тулуп, старую военную шапку-ушанку, немного подсевшую от чрезмерного ношения и множественного пропитывания терпким рыбацким потом. Остался в ватных потертых брюках, растоптанных, мягких и не раз подшитых валенках, которые бесшумно устремили его озабоченную фигуру к полемому телефону, стоявшему на подоконнике спальни за шторой.

Отец энергично покрутил ручку телефона, назвал телефонистам нужные цифры и минуты две с кем-то разговаривал, задавая мучившие всех вопросы.

Наконец, он повернулся ко всем скопившимся в комнате людям и произнес спокойным тоном:

– Никакого цунами нет. Это учения. Спокойно расходитесь по домам.

Все облегченно вздохнули и, разобрав свои пожитки, разошлись.

Через час мы с папой солили корюшку. Я ему помогала. Он сидел рядышком: такой родной, тихий, молчаливый от усталости, спокойный, уверенный в каждом своем движении. Улучшив момент, он спросил меня:

– А почему ты не обратила внимания, как ведут себя животные? Они же первые чувствуют опасность. Помнишь, как перед землетрясением Дельфин тянул маму из дома? И Мурка лежала спокойно на своем месте... А ведь они первые выбежали бы из дома... Вот я и говорю: не заметила ты этого... И потом – завывали бы сирены...

Я сидела, виновато опустив голову, и только пробурчала:

– А солдаты? Они же кричали – цунами, спасайтесь!

Папа только улыбнулся и сказал:

– Да пошутили они... А вы все приняли за чистую монету, поддались панике и других перебаломутили... А в целом, ты вела себя правильно. Молодец!

Так закончилась моя эпопея с «цунами», многому меня научившая. В том числе и тому, какие вкусные тушеные кулики, когда поедает их в минуты опасности. Папа и мама только развели руками и сказали:

– На здоровье!

Мне стало стыдно. Родителям-то я ничего не оставила... Мой дорогой папочка только произнес:

– Ничего. Осенью еще заготовим. Всем хватит...

Чудесное спасение

Брат с сестрой смотрели на собиравшуюся в дорогу мать. Было раннее летнее курильское утро. Они только что проснулись. Их разбудили яркие солнечные зайчики опоясывающие комнату. Они были везде: сначала ползли по стенам, потом медленно спускались на кровати, и уже в самом конце скользили по сонным лицам ребят...

Мать стояла в плаще с модно поднятым воротником, подпоясанная широким, причудливо завязанным поясом.

– Дети, я уезжаю на... два дня на Сахалин... по делу... и прошу вас вести себя хорошо, не шалить.

Дети послушно кивнули, сладко потягиваясь в материнских и солнечных объятьях. Они уже знали, что отец на суточном дежурстве и им предоставлялась полная свобода действий хотя бы на один день.

Как только мать покинула жилище и хлопнула дверца военного «газика», отвозившего ее в аэропорт, дети вскочили со своих постелей и стали бросать друг в друга подушки, подпрыгивая на панцирных сетках. Комната наполнилась удушливым запахом куриных перьев и пыли. Дети начали чихать...

Вдоволь нашалившись, они занялись обычными делами: умылись, позавтракали тем, что мать оставила на столе под вафельным белым полотенцем, подмели пол, вымыли посуду, отнесли курам корм и воду в сарай, и заперев дом на ключ, пошли гулять.

Детвора военного поселка гуляла своеобразно. Часам к девяти утра стайки свободных от домашних дел ребяташек с самодельными удочками слетались к местной горной речке. Начиналась рыбалка. Наживкой служил дождевой червь, выкопанный накануне вечером и уложенный вместе с землей в банку из-под монпансье.

Его разрывали на части цепкие мальчишеские пальцы и как червячок не сопротивлялся, ему была уготована одна судьба – быть нанизанным на небольшой крючок.

На него плевали «на удачу» и забрасывали в стремнину быстрой реки, зорко следя за улетающим в белые барашки поплавок. Через секунду поплавок внезапно тонул, и счастливчик уверенным движением подсекал и выдергивал из воды приличных размеров серебристую рыбину, сплошь унизанную с боков красными пятнышками. Это была форель. Самая вкусная местная рыба.

Разношерстная братия облепляла крайние доски моста. Детвора была примерно одного возраста. Мальчишки и их сестры, которых некуда было деть. Мальчишки ловили, а сестры помогали снимать рыбу с крючков и укладывать ее в трехлитровые банки. Часам к одиннадцати вся честная компания была с уловом и начинала разбредаться по домам, сдавая добытое матерям. Позже обедали, занимались домашними делами, отдыхали и часам к трем снова собирались в стайки для игры в «казаков-разбойников», прятки, лапту.

Но в этот раз все пошло необычно: брат с сестрой раздали малышне свой улов. Все равно дома никого нет. Предложили всем встретиться и пойти в кино в местный дом культуры. А до него еще поесть дикой малины, которая росла вдоль дороги.

Дом культуры стоял отдельно от поселка на горе и к нему тянулась пыльная извилистая дорога. Если сойти с нее в придорожные кусты, то можно было очутиться в густых зарослях малины, уже созревшей и манящей всех, кто проходил мимо, своей спелостью, сладостью и сочностью ягод.

Вся веселая ватага мальчишек и девчонок человек из десяти шефствовала за братом и сестрой никуда не спеша, лениво переключаясь, топая по сыпучей, похожей на муку пыли, поднимая вокруг себя ее столбы. На земле оставались отпечатки их маленьких разнокалиберных ступней и подошв сандалий.

Наконец, все преодолели спуск в канаву и выбравшись из нее, оказались в зарослях спелых ягод. На время замолчали, набивая рты плодами, долго смакуя их ароматный вкус. Все получали удовольствие от свободы без взрослых и приятного занятия. Перед самым домом культуры детвора выползла на дорогу и медленно пошла вверх, вытирая руки о придорожную траву.

Внутри здания еще никого не было. Слышались только шлепки трафарета, которым билетерша тетя Рая, женщина лет пятидесяти, бойко и ритмично ставила отметины на серо-зеленых билетах.

– Куда вы, ребятки? Кино начнется только в пять. Погуляйте пока, – не отрываясь от своего дела промолвила билетерша. Она окинула мельком всю братию из-под сползавших на кончик носа очков и добавила:

– Какие вы все чумазые. Идите в туалет, там есть вода, умойтесь.

Малышня завалилась в туалет и стала мыть руки, лица и одновременно пить из пригоршней холодную воду, весело смеясь.

На улице было тихо. После полуденный зной спал и была та летняя ласковость и тишина в природе, когда все вдруг затихает, умиротворяется и воздух как бы висит над землей.

Разомлевшая малышня нехотя брела к озеру. Оно было за парком. Тихо, по одному вошли на помост, выступающий в глубь озера. Доски под каждым шагом детей прогибались и поскрипывали. Часть утомленных путников, испугавшись опасного скрипа, предусмотрительно вернулась на берег.

Девочки собирали цветы. Мальчишки валялись в траве. Брат с сестрой пускали кораблики. Это была простая кора со вставленным в нее «парусом» из лопуха.

С берега подул ветер. Корабль у девочки изменил курс. Она потянулась за ним и... упала с мостка. Тело ее быстро погрузилось в воду. Брат истошно закричал:

«Нина!»

Упал на доски и стал руками грести воду к себе. Девочка то всплывала, то пропадала в толще воды.

Брат вскочил и что есть духу побежал к дому культуры. Следом протопала такая же орущая и визжащая на все лады ватага детей.

– Помогите! Нина тонет! – кричали на все лады плачущие голоса.

На их крики выбежала билетерша. Узнав в чем дело, бросилась к дороге и стала кричать и звать на помощь единственного солдата, идущего по ней. Он шел в библиотеку.

Солдат на бегу сбросил одежду, сапоги и бросился в воду. Девочка была спасена.

Через два дня мать возвратилась домой. Спешила по булыжной мостовой, предчувствуя скорую встречу с детьми. Возле дома ее догнали мальчишки:

– Тетя Тамара! А ваша Нина вчера утонула.

Женщина выронила из рук сумку и стала оседать прямо на мостовую.

– Да не бойтесь, не до смерти! – поправили свою оплошность мальчишки и, как курильский тайфун, в ту же минуту унеслись прочь...

«Калейдоскоп счастья»

Вы смотрели когда-нибудь в детстве в трубу калейдоскопа? Конечно, да. Каждый из нас был поражен радугой невысказанной красоты, лучиками света, фигурками, «зайчиками» самых разнообразных цветов. Все это вызывало восторг, радость, удивление, подъем настроения и счастье. Да, да, счастье... По мере нашего взросления это счастье куда-то исчезало, но первое впечатление восторга от увиденного, осталось навсегда...

Вот так примерно и я ощущаю свою жизнь: счастье от детства, юности, молодости. Это набор цветов калейдоскопа. И я рада этому. Рада, потому что не могу похвастаться одним местом на планете Земля, где я родилась и выросла. Мой адрес, в прямом смысле слова, весь наш огромный Советский Союз. Он был... Он остался в моей памяти...

Многие люди не помнят себя маленькими детьми. Я же ощутила себя с первого года жизни. Помню, как лазала под широкой юбкой своей няни, которая служила мне «манежем», запах ваксы отцовских военных сапог, теплый день, когда родители сажали вокруг дома персики. Помню, что мне все радовались: тормошили, тискали, брали на руки и говорили, какая я хорошенькая.

Постепенно радость при виде меня куда-то испарилась – я выросла и рядом бегали, прыгали и резвились такие же симпатичные дети, ничем не хуже меня.

Я стала «скучать по радости», которая вот тут у меня была, а здесь ее уже нет. Куда же она подевалась? Я же все та же, даже лучше. Я стала искать ее, радость.

В нашей семье с ней было напряженно: мама целый день на работе, брат бегал с мальчишками. Оставался мой любимый папа. Вот к нему я и льнула при любой возможности. Папа меня всячески привечал, но хотел привить и самостоятельность.

– Завтра пойдем с Серегой на футбол. Тебе же не нравится футбол? Побудешь с мамой, приготовите вкусный обед. Хорошо, доченька?

– Нет, я тоже люблю футбол.

Это означало, что номер у отца «не пройдет» и ему придется брать нас с братом вдвоем. Тоже касалось и рыбалки, охоты, сбора грибов и ягод. Я везде шла рядом с отцом.

Мой отец – военный. Вместе с ним и мамой мы с братом проехали весь Советский Союз. Вот тогда и начался мой «калейдоскоп».

Первый год – рождение на Западной Украине. Позже – город Владимир, где отец переучивался по военной специальности и с двумя детьми на частную квартиру не брали. Меня отправили на полгода в отцовскую деревню к его пожилым родителям. Мама рыдала по ночам, и квартирная хозяйка «сжалилась» над ней и разрешила вернуть меня, уступив нашей семье самую большую комнату в доме. Вот есть же у людей совесть, оказывается. Как семья радовалась моему возвращению! И больше всех, конечно, я.

Отца послали служить на Дальний Восток. Здравствуй, бухта Ольга! Я не ходила в садик, а носилась целыми днями вокруг дома с такими же неприкаянными детьми. Однажды мы нагрызли кисленьких ягодок, по вкусу напоминавших лимон. Не спали три дня и три ночи. Это оказался лимонник китайский. Наряду с многими полезными свойствами он повышал выносливость организма, вызывал бессонницу, возбуждал нервную систему. Больше мы его в рот не брали. Хватило тех бессонных ночей.

Иногда меня забирал к себе в роту отец. Помню, как он разбудил меня ранним утром, взял за руку и привел на край огромной скалы. Впереди расстилалось своей безбрежностью Охотское море. Мы дождались восхода солнца. И это был ни с чем не сравнимый восторг маленькой детской души. Из-за горизонта начинало выползать солнце, окрашивая голубой небосвод розово-золотистыми лучами. Вслед за ним преображалось море, надевая на себя такие же праздничные одежды. Над всей этой красотой царил безмолвие.

– Доченька, посмотри, как красиво!

Я молчала, не смея вымолвить ни слова от увиденного. Эта картина до сих пор в моем сердце.

– А теперь посмотри вон туда, – отец вытянул руку куда-то вперед, указывая мне направление моего взгляда. Я посмотрела вперед и увидела, как из-под глади воды появляется что-то темное и продолговатое.

– Это лодка, папа? – я вскрикнула от неожиданности и восторга.

– Да, она. Возвращается... Ну, помаши ей ручкой и пойдем домой.

Я нехотя поворачивалась, пытаюсь смотреть на лодку, скосив до предела глаза. Мы спускаемся со скалы вниз и моря больше не видно...

Отца переводят на Курильские острова. Теперь мы живем далеко от моря в глубине острова. Здесь много японских строений. Теперь у нас двухкомнатная квартира с печным отоплением, удобства во дворе, огородик перед домом, коптильня для горбуши, которую отец построил своими руками. Мы с братом во всех делах его помощники. Папа, выходец из крестьянской семьи, хороший семьянин, хозяин. Он многое умел: ловил рыбу, охотился на диких кабанов, собирал кедровые орехи, черемшу, ягоды. Мама специалист по домашнему уюту, сбору клюквы, дикого шиповника, из которого, оказывается, тоже варят варенье.

Я научилась ловить рыбу на самодельную удочку, которую мне соорудил папа. Ловили с мальчишками в горной реке форель. У нее очень вкусное и нежное мясо. Форель ловить легко: садишься на краешек моста, насаживаешь червяка, выкопанного накануне за японской фанзой в теплой земле, насаживаешь на крючок, плюешь для верности и забрасываешь в стремнину реки под мостом.

Течение в речке быстрое и поплавок успеваешь побыть в воде несколько мгновений. Но и за эти доли минуты рыба успеваешь напасть на червяка, а с ним и на мой крючок. Я ловко подсекаю добычу и вот уже над водой трепыхается средних размеров тушка серебристой рыбки. За полчаса можно было наловить половину трёхлитровой банки. А больше и не надо. Сегодня на ужин хватит. Ведь ловим мы рыбу почти каждый день.

Научились мы добывать и горбушу. Каждый год она возвращалась на нерест в наши речки: ничего не стоило рогатиной придавить ее обессиленную тушку и вытащить руками на берег. Несколько мальчишек возраста шести семи лет выходили на отмель горной реки и проделывали это. Вода кишела от идущей на нерест рыбы. Их тела ободраны об острые камни и ошметки шкуры колыхались в прозрачной воде. Я всегда рядом с мальчишками.

Мы знали, что для рыбы это путь в «один конец»: как только она отметит икру, а самец оплодотворит икринки, рыбы погибнут. В глубине души нам было их жалко. Но азарт охотника перевешивал сочувствие и жалость, и мы заходили в кишашую от рыбы реку. В ход шли заранее приготовленные рогатины и, истратившим все свои силы рыбам нечем было сопротивляться нашей ловкости и азарту.

Ловкие руки мальчишек намертво прижимали головы рыбин ко дну речки, а затем быстро выбрасывали на берег. А там другая пара рук отбрасывала их подальше от воды и занималась приготовлением к запеканию. Соль, спички, бумага всегда находились с нами.

Мальчишки разводили костер и запекали рыбу в глине или просто в углях. Глину находили рядом с рекой. Обмазывали толстым слоем рыбину, натертую предварительно солью, и обкладывали горкой углей. Через час глина разбивалась, и рыба поедалась всей ватагой. Сочная, с пропекшейся красной икрой, наивкуснейшая, она источала незабываемый аромат. Запивали все крепким чаем, который кипятили здесь же на костре в большой жестяной банке из-под консервированных продуктов.

Домой мы появлялись лишь в сумерках: сытые и довольные, насквозь пропахшие запахом печеной рыбы. Матери были в недоумении: где это так гуляют их дети, что приходя домой не хотят есть?

Единственным недостатком жизни на Курилах было отсутствие средней школы. Начальная была, а средней – нет. Всех старших школьников и моего брата, в том числе, вывозили в интернат в другой поселок, где они жили целую четверть, обихаживая сами себя.

Вспоминая те годы, брат сетовал, что очень нуждался в материнской любви, ласке и заботе, а ее не было. Видимо, эта удаленность и отчужденность от дома, сама сиротская атмосфера интерната, сыграла немаловажную роль в формировании его замкнутого, молчаливого характера... Он никогда не улыбался на фотографиях, как его об этом не просили...

Курилы позади... Наша семья летит в «теплые» края, в город Грозный, куда отец получил назначение. Мы прилетели туда после посещения батькивщины – родины отца и мамы. Дедушка Николай и бабушка Ева еще крепкие старики.

В избе шло гулянье по случаю прибытия на побывку их любимого сына. Трещали от топота каблучков полы, пришедшие гости пели полу приличные частушки, лился рекой самогон и портвейн—дедушка сделал запасы. Всем весело, радостно и беззаботно. Хотя бы в этот вечер. А завтра на работу в поле. В колхозе она всегда найдется... Вот председатель пришел за дедушкой: выпивает стопку и просит завтра выйти, «помочь» колхозу. Дедушка долго чертыхался – он давно на пенсии... Но пойдет... Некуда деваться...

Грозный окутал семью удушливой жарой августовского вечера. Нас никто не встретил, и отец выбрал лучшую гостиницу в городе, стоявшую на берегу реки Сунжа. Свободных номеров, как всегда, не было... Почему-то в те времена считалось, что людям незачем ездить из города в город «без дела» и гостиницы им не нужны. А командированные граждане сами позаботятся о себе заранее.

Папе пришлось взять номер «люкс». Мне до этого не доводилось видеть не то что городскую квартиру, но и подъезд в нее. А уж двухкомнатный номер «люкс» с ванной, белоснежными простынями на модных кроватях, саму обстановку, повергшую меня, второклашку, в глубочайший шок, я видела впервые в жизни.

Прежде всего меня поразило обилие осветительных приборов: бра в прихожей и около прикроватных тумбочек со свисающей тесемкой—проводком, за который надо было осторожно дернуть, чтобы их зажечь. Огромная сияющая люстра в гостиной над большим столом, торшер около раскладного современного дивана. Все они своим светом создавали и уют, и загадочную атмосферу одновременно.

В полированном светлого дерева серванте на низких ножках сиял белоснежный обеденный сервиз с орнаментом, кучей тарелок и чашек. Стройными рядами замерли бокалы из прозрачного стекла, сверкавшие таким же сказочным светом. Заметила я и низкий журнальный столик с глянцевыми обложками журналов, и хрустальную массивную пепельницу.

Горничная, вошедшая вместе с нами в номер, показала, как пользоваться бра, как переключается вода в кранах в ванной, где лежат дополнительные полотенца, стоит посуда и даже телефон. И видя своим наметанным глазом нашу общую растерянность и удивление от увиденного, попросила «без надобности» за веревки бра не дергать, и посудой не пользоваться. Все почему-то одновременно посмотрели в мою сторону... С чего бы это?

Мне первой предоставили возможность принять в ванну. Из крана лилась горячая и холодная вода. Вот, диво! Я использовала шампуни и долго играла с пеной. Ведь до этого времени мы посещали только армейские или городские бани, жили с минимумом удобств.

– Ну, все, доченька, пора. Вылезай. Еще же Сережа и папа будут мыться.

Это мама очень тактично меня выпроваживала из бархатной пены. Сама она, как всегда, приняла ванну последней, обиходив всех членов семьи.

Они с папой уже сходили в магазин и готовили ужин. Здесь же за большим столом светились красными боками и сахарной мякотью помидоры «бычье сердце», крупными ломтиками нарезана докторская и копченая колбаса, стояли бутылки с лимонадом «Буратино» и с «Жигулевским» пивом, горой возвышались продолговатые виноградники «дамских паль-

чиков», огромный спелый, уже разрезанный на две большие половинки, арбуз, пахнувший свежескошенной травой, дождался в холодильнике. Папа нарезал ломтями большой круглый белый хлеб, которого я раньше не видела.

Окинув взором все это богатство, красоту и убранство номера, я заявила:

– Я хочу здесь жить! Мне здесь нравится!

Папа от неожиданности даже поперхнулся, а потом засмеялся.

– Чтобы так жить, доченька, нужно быть генералом, как минимум. А я всего лишь капитан.

– И никогда не будешь генералом?

Все посмотрели на меня, как на дурачку. И так было все ясно. Но папа ответил.

– Надо было раньше идти в училище, а не после армии, как я. И вообще...

Он умолк и мама перевела тему разговора в другое русло... Папа пробыл подростком в оккупации три года и среднюю школу заканчивал экстерном, получив среднее образование единственным из подростков-переростков своей деревни.

Утром мы покинули так понравившийся мне номер – отец, пока мы с братом видели сны, уже «снял» нам жилье, появился на службе и до двенадцати дня рассчитался за «люкс», в котором я хотела поселиться на всю оставшуюся жизнь...

Последним местом службы моего отца стала Камчатка. Мы летели туда на самолете от Москвы до Петропавловска-Камчатского, далее – в поселок Усть – Камчатск на маленьком «Ли-2» с продольными железными лавками вдоль бортов, на которых всех ужасно укачивало и тошнило.

Снова коттедж на четыре семьи, но теперь кирпичный. То же печное отопление.

Дрова жители добывали сами на берегу океана. Командование выделяло грузовую машину и четыре крепких солдат для погрузки плавника. Выезжали на берег теперь уже Берингова моря, сплошь усыпанного выброшенными бревнами.

Около дома все собранное сгружали, и отец искал хозяина бензопилы из местных, чтобы распилить все на чурки. За определенную плату все распиливали, и отец начинал рубку дров. Колот сначала колуном на пластины, а потом топором на поленья. Я долго присматривалась к процессу и когда отец был на службе, а мама на работе, начинала таким же способом рубить дровишки.

Мой брат уже был курсантом суворовского училища в далеком городе Уссурийск. У меня довольно неплохо получалось и, придя со службы, отец удивлялся, что гора из поленьев стала больше...

– Доченька, это не ты, случайно?

– Нет, куда мне... – не глядя на отца, лгала я.

И вот как-то раз я самозабвенно рубила чурки и не заметила, как мимо дважды проехал «Газик» командира части. Только увидав замаячившую впереди нервную походку матери, я заподозрила неладное. Быстро забросила топор с колуном подальше на кучу дров и, рысью помчалась за стол «делать уроки». Мама влетела в квартиру, как разъяренная фурия. Не раздеваясь, она бросилась ко мне:

– Наталия, кто тебе разрешал рубить дрова? – прокричала она, глядя на меня своими зелеными глазами, блеск которых не предвещал ничего хорошего. Выпустив свой гнев, мама устало присела на край стула и как-то сокрушенно, не так напористо, продолжила свою речь.

– Не успела прийти на работу – вызывает командир части. «Вашему мужу не хватает времени на рубку дров? Поэтому вы девочку заставляете? Я вам пришло солдат-пусть все порубят. Вы хотите, чтобы девочка осталась инвалидом? Мать называетесь...» и отправил меня домой. Чтобы я тебя больше с топором не видела! Вон, бери... моего... нашего пупсика и играй с ним. Позор! Какой позор! Девочка называется...

Пупсик был самой любимой игрушкой моей мамы. Она покупала его якобы для меня, но находился он у нее в комнате. Всегда. Выдавался мне по очень большим праздникам.

«Значит случилось событие, после которого маме не жалко дать мне пупсика даже в будний день?» – думала я, прислушиваясь к затихающему тайфуну в ее голосе.

Позже мы с папой долго смеялись, когда я в «лицах» показывала ему разъяренную маму. Он приобнял меня тогда и сказал:

– И все же, дочка, подвела ты меня... Сама рубила, а я, дуралей, не догадался... Мама права, не женское это дело, – и хитро улыбнувшись, зная свой и мой характер, тихонько на ушко сказал мне:

– Ну, если очень хочется рубить – иди за сарай и руби. Там еще дров напилили. И командир не ездит... Только осторожно мне... – и, погрозив пальцем, поцеловал меня в макушку...

Потом, пройдя несколько шагов вперед, он обернулся и спросил:

– А почему ты не вяжешь с мамой кофточки? Это же интересно и вполне женское занятие?

– А меня она не зовет никогда. Сидит со своими подругами и никогда не зовет.

Отец помолчал.

– Понятно... Ну, иди, доченька... Только будь всегда осторожна.

А мой «калейдоскоп счастья» светился все новыми красками и многочисленными фигурками... Украина, Владимир, Курилы, Грозный, Камчатка... Снова Грозный. Успела ли я полюбить эти края за то короткое время, что жила там? Наверное, нет, а вот запомнила навсегда.

Из этих моих ощущений, воспоминаний и сложилось мое понятие родины. Моей родины. Той, что с «березкой под ветром, склоняясь, растет». Той, которую я узнала, и которая вошла в мою память всеми своими отметинами. От края до края. Которую оберегал и которой служил мой отец. Такое забыть невозможно...

А вязание я не люблю и по сей день. Это интересное и вполне женское занятие...

О болезни, любви и кое о чем еще...

В горле у меня запершило от холодного пива, жадно выпитого несколькими глотками после бани. К вечеру я почувствовала дискомфорт в мышцах – предвестника надвигавшегося недуга. Сразу же улеглась на массажную кровать, служившую верой и правдой уже тринадцать лет. «Русская печь» корейского производства основательно прогрела спину, и я еще надеялась, что «пронесет», но чуда не случилось даже после выпитого аспирина. Хвороба все-таки пробралась в мое в тело. Болела я редко: иногда зимой, продрогнув на ветру, иногда летом, в сезон прохладительных напитков.

Почему-то именно сегодня вспомнилось детство. Родители... Болели ли они сами? По крайней мере, лежащими в кроватях я их никогда не видела. Мама, медицинская сестра, в силу специфики своей профессии, мечтала, чтобы дома у нас никто не болел.

Она насмотрелась на солдат-симулянтов, по любому поводу бежавших в санчасть, в надежде отлежаться от нарядов и прочей армейской жизни. Но с мамой их номер не проходил: измерив прибывшему «страдальцу» температуру, она находила его «годным к строевой» и тут же отправляла хитреца обратно. Видимо, и нам с братом приписывалась та же участь «симулянтов», стоило нам занемочь.

Когда болезнь все-таки «забиралась» в меня, как осеннее серое облако, я мечтала о маминской любви, чтобы она была особенно нежна и ласкова со мной. Казалось, если она произнесет милые сердцу слова, погладит ладонью по волосам, то болезнь выскользнет из меня в ту же секунду. Просто испарится.

В действительности этого не случилось: мама наоборот была строже обычного. Говорила нам с братом, что болезнь – испытание и мы должны проявить стойкость и мужество, как будто готовила нас к какой-то суровой, трудной, лишенной всяческого комфорта, жизни. Ласковых слов мы не слышали. Наверное, все прилетает бумерангом из ее детства?

В седьмом классе я слегла с температурой. Мама недоверчиво приложила к моему горячему лбу ладонь и сказала:

– Температура невысокая. Собирайся-ка в школу, доченька... А то отстанешь...

«Отстанешь... Придется тащиться...» – бурчала моя пылающая головушка.

Недоверчиво высунув голову из-под отцовского тулупа, я жалобно посмотрела в лицо матери, надеясь пробудить в ней сочувствие лихорадочно горящими глазами. Но не тут-то было: мама принесла школьные одежки, приставила к кровати нагретые у печки валенки и вышла из комнаты...

– Одевайся. Опоздаешь.

Учительница оказалась более внимательной женщиной.

– Да у тебя температура... Ты вся горящий, детка... Как мама тебя отпустила? Собирайся и иди домой... Я ей позвоню.

Неловкими движениями собрала портфель и со стеклянными глазами покинула класс. Озноб пробрался под школьную форму и ничто не спасало от его колючего панциря. Не помню, как добрела до дома и рухнула, не раздеваясь, в постель.

Мама прибежала следом. Фальшиво зазвучали слова:

– Ой, доченька, температура, да? Сейчас, сейчас... Я тебе таблеточку дам... А мне твоя учительница позвонила, что ты заболела... Ты ей ничего не сказала?

Выражение маминого лица было явно двусмысленное: смесь вранья и желание, чтобы о нем никто не узнал.

Я высунула пол-лица из-под тулупа и отрицательно помотала головой... Стало жаль эту большую, а по сути, очень маленькую женщину-девочку, запутавшуюся в своих благих наме-

рениях ради собственной дочери... Нам обеим была необходима любовь – исцеляющее все недуги снадобье...

Мама помогла мне снять школьную форму, переодеться в пижаму, надела на ноги шерстяные носки с сухой горчицей.

– Мамочка, спой мне песенку про котика... Пожалуйста...

Мама устало присела на краешек постели, подоткнула края тулупа под одеяло и запела своим заунывным, жалостливым голосом:

– Пошел коток в лесо-чек...

Из глаз, как по команде, у меня хлынули слезы...

Прошли годы. Я – взрослая женщина. Приехала к родителям рожать первенца. Я люблю маму и мечтаю о ласковых словах... С возрастом она стала не такая категоричная, много мягче, внимательнее к нам, взрослым детям, живущим от нее вдали... Но ласковых слов от нее мы не слышали по-прежнему...

Мама осторожно водила ладонью по моему «Эвересту».

– Ой, – она вдруг испуганно отдёрнула руку от живота. – Он там шевельнулся...

– Конечно. Уже большой ребёночек. Семь месяцев как никак.

На самом верху живота блуждала небольшая подвижная шишка. Мама с удивлением наблюдала за ней.

– Вот мы его растревожили своими разговорами. Давай тихонечко полежим...

Помолчали. Я прислушивалась к шелесту занавесок открытого окна, колыхавшихся от порывов теплого летнего ветерка.

– Мам, а как ты рожала Сережу? Расскажи... Вот я даже не знаю, как я это почувствую...

– Почувствуешь... Сначала заболят кости таза – организм начнет подготовку к родам и косточки начнут как бы раздвигаться. Но это долгий процесс, постепенный. Не вдруг. Потом живот опустится, станет ниже. Значит, что скоро уже... Ну, и в самом конце, почувствуешь нарастающие, тянущие боли. Будет открываться проход... Ну, как бы двери на «выход»...

– Ой, мама, мне страшно...

– Без боли ничего не происходит. Можно потерпеть. Совсем недолго. Надо только правильно дышать, тужиться, слушать акушеров...

– Хорошо. А дальше что?

– Дальше выйдет ребёночек. Его акушеры примут, перевяжут пуповину, перережут ее и слегка похлопают ребёночка, чтобы он задышал самостоятельно. Обработают, завернут, прицепят три бирочки: на ручку, на сверточек, на кроватку... и унесут отдыхать.

– Не перепутают?

– Нет... – мама улыбнулась. – Поэтому на бирочках сразу пишут фамилию, время рождения, вес и номер родившегося.

– Ну, тогда я спокойна.

Я подложила мамину ладонь под щеку и прикрыла глаза.

– Мамочка, спой мне колыбельную про котика и погладь по голове...

– Тебе же она никогда не нравилась... Ты говорила, что тебе не спать под нее хочется, а плакать...

– Спой, пожалуйста...

Мама запела своим жалостливым голосом, делая ударение на последнем слоге, и в такт проводила ладонью по моим волосам:

– Пошел коток в лесо-чек, нашел там пирожо-чек, сам я разочек укушу, а остальное Наташеньке своей отнесу...

На последних словах у меня из глаз потекли слезы: я представила, как коток принес мне свой надкушенный пирожок, а я не беру его, потому что он кот... Животное, одним словом. Да еще живущий в лесу... От этой брезгливости и жалости не понятно к кому и заплакала...

– Ну, вот... Я же говорила, что расплачешься... Все, поспи немножечко. Все будет хорошо...

Мама укрыла меня простыней, и я заснула спокойным сном...

Назавтра мы в полном составе подъехали к роддому.

Я уже подняла руку для прощального помахивания, как вдруг услышала душераздирающий вопль из открытого окна, расположенного рядом с входной дверью! В следующую секунду раздался не менее сильный рев из окна по другую сторону двери. Я вздрогнула, ойкнула и отпрянула от уже тянувшихся ко мне рук сухонькой, похожей на воробышка, русской старушки санитарки. Сделала шаг назад. Мама, наблюдавшая за мной с улицы, подбежала и, взяв под локоть, спросила:

– Доченька, ты испугалась? Это роженицы кричат... Больно им... – Мама поддерживала меня под руку и в то же время не давала развернуться.

– Мама! Я туда не пойду! Их там режут! – я прижала свой пакет с пожитками к груди и развернулась в сторону машины отца, чтобы пройти несколько десятков шагов и убежать от этого места далеко и надолго.

– Ну что ты выдумала? Они кричат, потому что рожают, а тебе еще месяц лежать! Это совсем другое отделение. Экстренное. Их со всех концов везут. У тебя все по-другому: ляжешь, тебя подготовят, все будет мягко, спокойно...

– И без боли? – я с испугом продолжала смотреть на маму.

Мама посмотрела на меня, как бы решая: говорить мне правду или нет. Но природная тяга к честности перевесила, и она тихо, как бы извиняясь за что-то, произнесла еле слышно:

– Ну, совсем немного поболит. Совсем чуточку...

Уловив в маминых словах нотки сочувствия, я пришла в себя:

«А правда, куда я собралась? Рожать то все равно придется... так лучше здесь, под прищитом... И родителей мучаю...»

– Ладно. Пошли, мама...

Мы снова направились к стеклянной двери, где меня терпеливо дожидалась все та же старушка-воробышек.

– Пойдем, милая, пойдем, касаточка. – Старушка цепко взяла меня под руку и показав маме знаком, что та может уходить, засемила рядом с моим туловищем.

«Касаточка... Это акула что ли?» – подумала я, как будто-то думать больше было не о чем.

Мама смотрела мне в след, смахивала слезы и что-то шептала губами.

Я уходила в неизвестность...

Муж, к тому времени сам только что оправившийся после болезни, на второй день поставил горчичники, а к вечеру того же дня, услышав мой ужасный «лающий» кашель, приладил компресс на горло.

«Вот значит зачем нужны мужья в таком возрасте...» – с улыбкой и нежностью подумала я.

Третий день болезни выдался самым тяжелым: непрерывный надсадный сухой кашель, сотрясал все тело. Болела голова, уши, глаза.

Вдруг позвонила младшая дочь: ей приснилось, что я умерла... После таких снов человеку говорят, что он будет жить долго. Но осадок все-таки остался...

Как могла, успокоила ее, а сама задумалась:

«А, действительно, если я вдруг умру? Как жизнь моей семьи пойдет дальше? Как они переживут встречу с неизбежностью? Что принесётся в их жизнь, а что уйдет безвозвратно?»

Вопросы заставили посмотреть на пронёсшуюся жизнь, как на кинолентку, запущенную с ускорением... Вот я все и увидела...

Не все кажется не идеальным, но можно и нужно жить дальше, по совести...

Через несколько дней мое состояние заметно улучшилось. Пока я отлеживалась, «мои» согруппники-писатели сочинили новые рассказы, сказки... Жизнь в них полна любви, и она повсюду. Ее дарят совершенно разные люди: близкие и незнакомые.

А я учусь жить без мамы... Без ее любви... Теперь пою колыбельную своим дочерям, приезжающим так ненадолго «в гости» и мечтающим хоть на минутку побыть в своем, уже далеком, детстве... Вместе с котиком...

Я возвращаюсь ко всем вам, милые мои, родные люди... С любовью...

Отъезд с Курил и день ВМФ

При возникновении любого природного катаклизма, моя мама кричала, повторяя мое имя несколько раз подряд. При этом меня саму начинало трясти: я теряла дар речи, тело погружалось в ступор и обездвиживалось. Опытные женщины пытались образумить ее:

– Тома, не кричи! Наташу и других детей испугаешь!

Их просьбы не действовали – мама преодолевала собственный страх перед стихиями звонким истерическим криком. Вдоволь накричавшись, она утихомиривалась и начинала трезво рассуждать, успокаивать меня, давно прижимавшуюся к ее туловищу.

Все считали, что мама «рисуется» и хочет «привлечь» к себе побольше внимания. Но я знала, что ей действительно страшно и она не могла ничего с собой поделать. Это было ее тихое бедствие, никаким способом не преодолимое. Тихое и страшное одновременно. Я читала это по выражению ее глаз...

Не помню наш приезд на Курилы, но отъезд нескольких семей военнослужащих из пятнадцати человек, хорошо врезался в мою память.

Уезжали мы летом в плохую погоду: дул сильный ветер, лил дождь. На море разыгрался шторм.



Семьи военных, навсегда покидавших остров, должен был забрать грузопассажирский теплоход, курсировавший один раз в две недели между островами курильской гряды и Владивостоком. Если бы мы не уехали сейчас, то следующего рейса пришлось бы ждать две недели на берегу, живя в гостинице.

Начавшийся шторм заставил капитана не заходить в порт: он дал несколько протяжных гудков и взял курс на другой остров. По радиосвязи передал, что в такой шторм он вряд ли сможет забрать людей и груз.

Зная график движения следующего корабля, отцы приняли решение догнать на буксире ушедший корабль, заставить его вернуться и взять на борт людей и груз. Или погрузить прямо в море, с баржи.

Так они и поступили. Капитан согласился с их доводами. Буксир вернулся к причалу, зацепил баржу и, началась погрузка. Детей и женщин стали перемещать с пирса в недра посудины. Это делал один крепкий солдат, одной ногой стоя на пирсе, а другой на барже.

Солдат подгадывал момент, когда борт на волне опускался рядом с пирсом, хватал подаваемого ему ребенка или женщину и быстро опускал его на дно, где их принимал другой солдат. Зрелище было страшное, потому что мать очередного ребенка громко кричала, переживая этот короткий, но полный драматизма, момент. Последними на борт переместились и сами военные.

Сейчас, когда прошло больше пятидесяти лет с той поры, меня поражает мужество солдат, которые смело погрузили всех нас в ту большую темную баржу. Никто из них не оступился, не зазевался, а споро и точно выполнил каскадерские трюки. А ведь они рисковали своей жизнью.

Наше путешествие в шторм продолжилось. Судно, груженное людьми и нашим скарбом, двинулось к кораблю, бросившим в море якорь. Началась жуткая болтанка и качка. Многие страдали «морской болезнью». Нас с братом тоже тошнило, укачивало, но мы переносили все молча, немного постанывая от муторного состояния. На нас больше действовали неприятные запахи и звуки, доносившиеся от рядом страдающих от качки женщин и их детей..

Наконец, буксир прибыл к месту стоянки корабля, чтобы пришвартоваться и грузиться. Меня с братом, посадили в сетку на груз, и стрела корабельного крана подняла ее с баржи и перенесла на борт. Все это происходило под неутихающий вой ветра, проливной дождь и крики обезумевших от страха матерей. Нам тоже было страшно. Но мы крепко прижались друг к другу, обеими руками вцепились в мокрые прямоугольники нейлоновых сеток, раскачивавшихся из стороны в сторону. Этот ужас длился всего несколько мгновений, но запомнился на всю жизнь...

Наша мама кричала громче всех:

– Наташа! Сережа! Аааааааааааа!

Кажется, ее крик в далекой июльской ночи заставил навсегда сжаться от страха мое сердце.

После криков мамы другие матери отказались от транспортировки своих детей в сетках. Капитан приказал спустить трап и остальных, измученных болтанкой людей, подняли на борт корабля.

Стали искать место для ночлега. Пятнадцать вновь прибывших человек. Поскольку корабль был грузопассажирский и уже имел на борту людей, то свободных мест не оказалось. После долгих поисков на всех выделили одну пятиместную каюту. Страх мало-помалу улегся, все хотели тишины и покоя.

Каютa располагалась в трюме корабля. В ней было душно и тесно, но другого ничего командование предложить все равно не могло. Решили спать по очереди. Измученные матери с детьми разместились «валетами» на койках и на полу. Мужчины с сыновьями мужественно переносили начавшееся путешествие на палубе, поочередно меняясь с женами на их местах.

На следующий день, взрослые и дети решили все вместе отобедать в ресторане. Вся та же мега большая компания уселась за длинный стол, накрытый белой скатертью. Вокруг сновали резвые, окутанные каким-то достоинством, официанты. Одеты они были в белоснежные сорочки с черными бабочками. На изящно проносимых подносах аппетитно дымились

и источали сногшибательные запахи борщи, пряные кисло-сладкие салаты из морской капусты, закуски из красной рыбы и икры.

У всех детей и взрослых, не евших со вчерашнего дня, бурчали от голода животы, разболелись головы. Дети, то и дело теребили своих матерей и отцов вопросами, шепча зловещим шепотом:

– Когда же нам принесут борщи и салаты?

Отцы ничего внятного ответить не могли, потому что и сами были в недоумении. Они, неистово вращали головами, ища взглядом официанта, который обслужил бы и наш стол. Но такового не находилось. Прошел час ожидания, начался второй.

Отцы не выдержали. Все той же инициативной группой, которая накануне остановила огромный корабль, мужчины двинулись на поиски метрдотеля. Там и узнали причину своих голодных «мучений»: оказывается, стол банкетный и в будние дни не обслуживался. Вот если бы мы все сели поодиночке, то нас бы мигом обслужили. Еще час назад.

Именно так поступила семья главврача части: его семья не села за общий стол, уже насытилась обедом и была очень довольна. Но запомнилось, что они как-то бочком уходили из зала ресторана явно чего-то смущаясь.

Наконец, сжалившись над голодными детьми, метрдотель перестал читать свои проповеди и дал указание обслужить наш стол. Тут же над нашими головами закружились подносы, поддерживаемые крепкими пальцами официантов. Заказанные блюда принесли быстро и оперативно. Наши добытчики и их доблестные жены получили кое-что дополнительное в белых графинчиках. Так сказать, для снятия стресса. Обед прошел дружно и весело...

В остальные дни путешествия мы завтракали, обедали и ужинали в этом ресторане регулярно, но уже отдельными семьями. Утром и в обед он работал как обыкновенный пункт питания на корабле. А вечером, как ресторан. К концу путешествия мы знали меню наизусть и его однообразие надоело. Обходились одним или двумя понравившимися блюдами. Но родительский кошелек все таки изрядно похудел от длительного путешествия...

Конечным пунктом нашего путешествия стал порт Владивосток. В этом городе военные разъезжались в разные стороны, к новым местам службы. Корабль шел до Владика (так его ласково называли дальневосточники) пятнадцать суток. Нам, детворе, скучно не было. Мы то и дело носились по палубе, играли в войну, в прятки. Просто исследовали все уголки судна, куда нам разрешался доступ.

А вот нашим матерям это романтическое путешествие уже изрядно поднадоело. Они ждали с нетерпением схода на «большую» землю. Несколько раз за все время нашего путешествия мы попадали в шторм. Конечно, все твердо верили в надежность корабля, что ему не страшна никакая стихия, никакая буря. Но застывший страх в глазах наших матерей говорил об обратном.

Слава Богу, в порт корабль пришел целый и невредимый. Радость, как поднятый над лодкой парус, наполнила души людей, долгое время проведших в море, измученных штормами, долгими стоянками около других островов. Путешественники сияли счастьем.

Поселились все в гостинице с видом на гавань. Воздух «большой» земли пропитался запахами моря: свежей рыбы, еле уловимым духом морских звезд, так недавно блуждавших у берега, запахами свежих крабов, мясо которых таяло во рту. С с близ лежащих сопки долетал нектар полевых цветов и другие неповторимые ароматами лета, еще более ощутимые после летнего дождя, намочившего нашу кожу своими прохладными освежающими струями. Это было последнее воскресенье июля – день Военно-Морского Флота СССР. Флаги расцвечивания украшали все военные корабли в гавани.

Нас, малышню, закрыли в большом номере, а взрослые ушли в ресторан – отметить свое расставание, новые назначения. Все сразу. Не учли они только одной малости. Это же был день

ВМФ, и все рестораны сняты военными моряками всех мастей. Куда бы они не подходили, их встречала табличка «мест нет».

И вот, толкаясь у входа в очередной ресторан с уже подпорченным настроением, кто-то сказал:

– Нам явно не везет с кабаками...

Из открытых окон лилась приятная лирическая мелодия, и так не хотелось уходить от этого веселья, какой-то залихватской удали теплого летнего вечера, что все в нерешительности продолжали топтаться у входа, надеясь на какое-то чудо.

И, о, чудо! Оно свершилось! Видимо в ресторане начался перерыв между тостами и здравницами в честь военных моряков, и основная масса вышла на крыльцо покурить. Наши отцы надели на себя парадные военные мундиры, мамочки – лучшие вечерние платья и все выглядели прекрасно! Этот факт не ускользнул от взора больших чинов в военно-морской форме.

Хоть праздник был и морской и «сапогам» – сухопутным офицерам там делать было нечего, наших отцов и матерей пропустили по приказу одного из чинов.

Ставка делалась явно не на офицеров. Красота их жен произвела на контингент неизгладимое впечатление. Всем женщинам было около тридцати, каждая из них сияла красотой и отменным здоровьем. Оказывается, в том ресторане гулял экипаж подводной лодки, недавно вернувшийся с боевой службы. Ну, их можно понять...

Начались танцы. Красавицы были нарасхват. Им не давали не только присесть к мужьям, но и упорно звали за свои, ломившиеся от яств, столы, обещали «золотые» горы.

Мама рассказывала много лет спустя, что отец неожиданно закурил, что было не в его привычке, был мрачен, как самый черный день... Многие офицеры, не получив после танцев своих жен назад, стали уводить их силой из объятий подвыпивших, а значит, очень привязчивых и назойливых кавалеров. Дело дошло до рукопашной... Поднялся жуткий шум, крик: это визжали жены, пытавшиеся таким образом оказать своим мужьям моральную поддержку... Драку прекратила зычная команда одного из больших чинов:

– Отставить! Разойтись! По местам!

Моряки нехотя перестали мутузить попавших им под руку сухопутных офицеров, понимая, что не правы и «бой» не равный...

Насилу все уgomонились, привели себя в порядок, и, наконец, объединились, и отметили то, за чем пришли. «Веселье» покатило дальше, жены и их ревнивые мужья забыли неприятный инцидент и наслаждались теплым летним вечером. Последним совместным вечером. Больше они не встретятся никогда...

Под звуки салюта, который мы наблюдали из окон гостиницы первый раз в своей жизни, завершился Южно-Курильский период службы отца. Впереди всех ждала неизвестность и новая, наверное, очень интересная, жизнь. Отца направили в войска ПВО в г. Грозный Чечено-Ингушской АССР. Мы знали о том крае только то, что там очень тепло. Остальное пришлось узнать на месте. Шел 1966 год. Все страшное, как нам тогда казалось, осталось позади...

О вреде курения или как трудно стать блондинкой

Из далёких шестидесятых с черно-белой фотографии смотрят на меня мои близкие: папа, мама, я, и моя сестра. Она младше меня на 4 года и учится во втором классе.

По просьбе моих родителей я всегда был для неё нянькой и воспитателем. Она неплохая девчонка: шустрая, смышлёная, но любит дружить и водить компанию больше с мальчишками, чем с девчонками. Говорит, что с девчонками ей не интересно. Отсюда все мои «проблемы»: мне надо следить за ней, опекать, оберегать от разных случайностей.

Из-за дружбы с мальчишками повадки у неё стали такими же: размашистые движения, некоторая угловатость, порывистость и вечные выдумки в поведении.

Пока она делает уроки или гуляет по двору нашего съёмного частного дома, я спокоен – она рядом и ничего с ней не случится. Она может сидеть в столярной мастерской нашего хозяина и наблюдать за его работой. Но стоит ей выйти со двора, пересечь трамвайные пути и шоссе, как она оказывается во дворе своего нового друга Сашки. Он живёт со своими родителями и бабушкой в частном доме: у них большой двор, сад, нутрии. Они вместе проводят всё время до школы. Чем они занимаются? Играют в шпионов и разведчиков. Разве можно понять, что творится в голове у восьмилетней девчонки и ее друга?

Вот и вчера я застукал их честную компанию за курением в зарослях цветущего жасмина недалеко от нашего дома. Наблюдал за ними сверху террасы женского общежития. Они меня не заметили. Как только сестра со своим другом приступили к процессу раскуривания самых дешевых сигарет «Прима», я громко крикнул:

– Наташка, вот я всё маме расскажу!

Сестра от моих слов опешила и застыла с зажжённой сигаретой во рту. Потом она закашлялась, выплюнула ее и, с выпученными от страха и дыма глазами, посмотрела на меня. Она несколько секунд откашливалась, а потом, предчувствуя предстоящую экзекуцию, взмолилась:

– Сереженька, братик, не выдавай меня и ничего не говори маме. Я тебя очень прошу. Мы играли в разведчиков. Сегодня – я артист Кадочников, а Сашка – болван Штюбинг.

– Ха-ха-ха, – делано и театрально рассмеялся я. – Давай вылезай оттуда, идём домой. Вот тебе будет от родителей...

И я повел сестру «под конвоем» к нам во двор. Дома она быстро разделась, умылась и улеглась в свою кровать «спать», хотя стрелка на часах приближалась всего лишь к цифре пять. Это она так хитрила: наверное, хотела сказать, что больная, чтобы её меньше ругали. Мне было её жалко, но случая «повоспитывать» сестру я, конечно, упустить не мог. Уж больно не по душе мне было это их «курение». Я принял все возможные меры.

Вскоре появилась мама. Она впорхнула в комнату какая-то восторженная и радостная, вся окутанная счастьем. В комнате приятно запахло ее духами.

– Ву а ля! – весело воскликнула мама, прокручиваясь вокруг своей оси на одной ноге. – Как я вам? Похожа на Доронину?

Сначала я не понял, что в ней переменялось, но присмотревшись заметил, что она перекрасила волосы и стала из шатенки блондинкой.

На экраны кинотеатров только что вышел фильм с участием знаменитой актрисы. Фильм, на мой взгляд, имел странное название – «Еще раз про любовь». Все говорили, что наша мама похожа на Доронину. Конечно, сходство было лишь внешнее. Я решил, что мама решила довести свой образ до логического завершения и изменила цвет волос.

– Что же вы молчите? А где Натальюшка? – продолжала улыбаться и веселиться мама.

– Красиво. Спит. Ты лучше спроси, что она натворила – тоном старшего брата, ответственного за сестру, изрёк я.

– Что? – мама переменялась в лице и застыла с гримасой ужаса. Медленно осела на стоящий рядом стул.

– Что-что... Курила! Со своим разлюбезным дружкой. Вон в тех кустах, – я махнул для убедительности куда-то вдаль.

– Курила? – уже как-то отрешенно, позабыв своё только что весёлое настроение, произнесла мама. И уже строго, с льдинками в голосе, сказала: – Наталья, подойди ко мне, доченька...

Этот тон мамы я хорошо знал. Он не предвещал сестре ничего хорошего. Наташка появилась перед нами заспанная, со всклокоченными волосами, какая-то жалкая и угрюмая одновременно.

– Скажи мне, зачем вы с Сашей курили? Расскажи, пожалуйста...

Сестра исподлобья, насупившись, волчонком смотрела на меня, показывая сжатый за спиной кулак, и потрясала им.

– Мы играли в разведчиков. Сегодня я была русским разведчиком, а Сашка немецким. Курили до этого «понарошку», а сегодня Сашка предложил закурить по – настоящему. Какие мы разведчики, если даже курить не умеем? Вот и попробовали...

– Кто же вам сигареты продал? Вы же дети? – Вопросила наша правильная и честная мама.

– Ленке продали... Она уже в 3-м классе, дылда и к тому же сказала, что «для папы».

– Хорошо. Решим так... За этот проступок ты не будешь сегодня смотреть телевизор. А с Сашиними родителями я сама поговорю. Совсем не интересуются ребёнком... – И уже совсем другим, не строгим, а скорее игривым тоном, обратилась к сестре:

– Натальюшка, а как тебе моя новая прическа? Нравится? И цвет волос?

Сестра, продолжая насуплено смотреть в мою сторону, неопределенно пожала плечами и вдруг заплакала, сотрясаясь всем телом и растирая сжатыми кулаками мокрые глаза:

– Не знаю я... Ыьыы... Ты не моя мама, иди и снова стань моей мамой, – вдруг заревела белугой сестра.

– Как же это я – не твоя мама? А кто же я, по-твоему?

Но сестра уже учуяла струнку сомнения в мамином голосе и решила отыграться за свое «наказание» на полную катушку.

– Ты – чужая тётя... Иди и вернись моей мамой. Ыьыы...

– То есть мне надо идти снова в парикмахерскую и перекрашиваться в прежний цвет?

– Да! – орала уже не своим голосом малолетняя актриса, неизвестно откуда уяснившая систему Станиславского.

– Мама, не слушай её. Эту дуру. И никуда не вздумай идти! – вдруг взорвался я от негодования и неприятия поведения сестры. – Давай дождемся папу. Пусть он посмотрит и тогда решите, что делать.

После моих слов мама совсем обмякла, опустила голову, теребила пальцами легкую косынку и смотрела потеряннм взглядом сквозь нас обоих. Сестра по-прежнему громко выла.

– Наташка! Оставь маму в покое! Никуда она не пойдёт!

Я уже пожалел, что затеял этот воспитательный процесс. Если бы я знал, чем это все закончится...

Тем временем сестра уже плакала на своей кровати. На все уговоры мамы она твердила, как пономарь, что «это не её мама» и «пусть идёт куда хочет»... Она уже вошла в образ «обиженной дочери» и не соглашалась ни на какие уговоры «подождать до прихода папы».

На сестру я смотрел, как на умалишенную, но ничего с ней не мог поделать. Вот дать бы ей хорошенько...

И вдруг я увидел, как мама поднялась и, надев плащ и туфли, вышла из комнаты. На улице было уже довольно темно и неуютно. Осень рано вступила в свои права. Черные силуэты дере-

вьев качались от налетавших порывов ветра, дворовый асфальт покрылся скользкой опавшей листвой. Мама шла, зябко втянув голову в ворот плаща и была похожа на жалкую испуганную птицу, которую согнали с насиженного места.

– Ну, что? Добилась своего? – с горечью прошептал я, глядя на упрямыцу, которая поднялась с кровати и с зареванным некрасивым лицом смотрела в окно на удаляющуюся в сумерках маму.

Сестра замолчала на несколько секунд, соображая своим умишком, куда же пошла мама, а когда поняла, то зарыдала ещё громче, и на этот раз, кажется, по-настоящему.

Мама вернулась часа через два тихая и какая-то потерянная. Медленно села на стул и тоном человека, которого обрекли совершить то, чего он не желал, произнесла:

– Ну, вот, доченька, похожа я теперь на «твою маму?»

Волосы у мамы приобрели прежний цвет, но казались какими-то безжизненными, куцыми. На лице были видны следы недавних слез. От прежнего веселья и хорошего настроения у мамы не осталось и следа.

После этих слов сестра бросилась к маме в объятия и снова зарыдала в голос. Мама притянула её к себе, гладила по голове и приговаривала:

– Конечно, я сама виновата – не подготовила тебя к моим перевоплощениям... Прости меня, моё солнышко...

И от этого «прости, моё солнышко» сестра завопила с новой силой – последнего аккорда полного своего раскаяния.

Утром вернулся с дежурства папа. Они долго о чем-то шептались с мамой за столом, а потом он подошёл к сестре, обнял её и ласково спросил:

– Доченька, не дождалась меня? Не дала на нашу мамку – «Доронину» – посмотреть... Не успел я оценить её новый образ... И волосы жалко... Живые же они... А становятся мертвыми...

Сестра завопила в непонятно который раз. Ни о каком курении уже больше никто не вспоминал. А мама позже перекрасилась в блондинку ещё один раз...

Почему Москва слезам не верит

Лето окончания школы выдалось, как всегда, жарким. Отзвенели в ушах выпускников щемящие звуки колокольчика на школьной линейке, погрузился в недавнее прошлое выпускной вечер, на котором директор вручил выпускникам аттестаты зрелости. Их тут же отобрали родители, не веря своим глазам, что их чада наконец закончили школу. Выпито шампанское, встречен рассвет на берегу грозненского «морья» и все...

Я улетаю в столицу поступать в вуз. Сегодня мой день рождения и весь десятый «В» пришел проводить нас с мамой в аэропорт. Вот отъезжает открытый автобус и везет пассажиров к самолету, а вслед летит раскатистый хор из двадцати пяти голосов моих одноклассников:

– На-та-ша! На-та-ша!

У меня ком в горле. Мы с мамой не смотрим друг на друга... А что смотреть? Ясно, что плачем...

В ответ я машу вялой, непослушной рукой и вдруг понимаю:

«Детство кончилось...»

Ощущаю вместо криков «На-та-ша» гулкие удары собственного сердца:

«Шай-бу! Шай-бу!»

Это «вопят» в моей голове русские болельщики, воодушевляя хоккеистов в игре против канадцев в недавней серии встреч. Нелепо, правда?

Вдруг понимаю дикую ответственность, которую взвалила на свои плечи...

«На что я замахнулась? Почему? Куда я еду? Кто и что меня там ждет?»

Ответа нет...

Мы заходим внутрь лайнера, рассаживаемся, пристегиваемся: он медленно выруливает на взлетную полосу, двигатель прибавляет обороты, ревет, самолет разбегаются, отрывается от земли, и мы летим...

До свидания, школа, друзья, любимый папа! Здравствуй, новая жизнь! Здравствуй, Москва!

Столица встретила нас довольно прохладной погодой. Мы, южане, привыкшие к солнцу и постоянной жаре летом, даже не помышляли о необходимости зонта и другой одежды. На трапе самолета я сильно продрогла в летнем платьице: тело покрылось «гусиной» кожей. Теплые вещи мы непредусмотрительно сдали в багаж.

– Ну, что ты дрожишь? Еще шагу не ступили, а ты дрожишь... а что дальше с тобой будет? – мама подумала, что я дрожу от страха и пыталась скрыть свое волнение перед предстоящей встречей со знакомыми, как всегда, уча меня уму-разуму. С нашими сослуживцами по Курильским островам мы не виделись восемь лет, но исправно переписывались, обмениваясь поздравлениями к праздникам.

Будучи сиротой, мама всегда тянулась к женщинам старше себя по возрасту. А уж Алине Францевне, в семью которой мы направлялись, была особенно благодарна за содействие в моем спасении из малоизвестного озера на Курилах. Я и там умудрилась «побывать».

Это была, конечно, история... Малоприятная для меня, брата и родителей... А сейчас мама была взволнована новизной роли сопровождающей и, с плохо скрываемым раздражением, слегка «покусывала» меня. Она наивно полагала, что «дрожать от холода» и «потеть от жары», возможно, и дышать, я должна только по ее указке.

Как же я мечтала вырваться из-под ее чрезмерной опеки, зажечь свободной жизнью студентки! На это направлены все мои мечты.

Я буркнула, потирая замерзшие руки:

– Мне просто холодно...

– Терпи! – услышала я безапелляционный ответ. Во всем этом и была моя мама... – Заболеть еще не хватало...

Багаж получен, и мы мчимся на такси в Теплый стан к папиным сослуживцам по Курильским островам. Хозяйка дома, та самая Алина Францевна, которая неотступно сидела со мной, держа меня в папином тулупе после моего чудесного спасения, когда я чуть не утонула в местном озере, улыбается нам. Они с мужем живут большой семьей: с дочерью, зятем и двумя внуками в новой трехкомнатной квартире.

Встретили нас радушно. Мама вручила хозяевам в деревянном чемодане с дырками «дары юга» в виде отборных овощей и фруктов. Обе хозяйки, весело переговариваясь, быстро накрыли праздничный стол, выставив закуски и другую снедь. Всюду сновали жизнерадостные внуки, во всем помогая взрослым.

Выпив за здоровье хозяев дома, стали вспоминать Курилы, жизнь на острове, мое чудесное спасение. Отметили символику именно в том, что мой день рождения и тот, «второй», чем-то перекликаются: сегодня я вступаю, опять же, не без помощи Алины Францевны и ее семьи, в новую жизнь... Все искренне пожелали мне счастья на новом поприще...

Мама договорилась с хозяевами, что я поживу у них до и во время сдачи экзаменов. Они согласились.

С мамой мы провели вместе несколько дней: нашли мой институт, я подала документы, научилась ориентироваться в станциях метро, покупать продукты в «кулинариях.» После этого мама отбыла домой. При расставании долго всматривалась в мое лицо, как бы желая понять, насколько «причуда» учиться в столице серьезна для меня. Что уж она там пыталась разглядеть – для меня загадка и по сей день.

Два месяца моей жизни в Москве пролетели быстро: осмотрены музеи, галереи, дворцы, парки – я чувствую себя вполне культурным человеком. И вот все четыре экзамена позади. Не так блестяще, как хотела, но я их выдержала и надеялась на лучшее. Со дня на день должны были вывесить списки прошедших отбор абитуриентов.

В тот памятный день вернулись из белорусской деревни хозяева квартиры. Они уезжали на два месяца. У них небольшой дом, оставшийся в наследство от родителей мужа. В квартире оставалась семья дочери. Мы подружились. Дети часто забегали ко мне «поиграть», послушать сказки. Кроме раскладушки, книжного шкафа и письменного стола, за которым я занималась, ничего, в выделенной мне комнате, не было.

Неожиданно дверь в «мою» комнату распахнулась и на пороге появился муж Алины Францевны. Его зловеющий шепот поверг меня в шок:

– Ты еще здесь? Чтобы духу твоего завтра не было!

Я оторопела от такой метаморфозы в его поведении, потом встала из-за стола и произнесла:

– Завтра вывесят списки поступивших. Мне нужен этот день... Как же...

Но он оборвал меня на полуслове:

– Ничего не знаю... Вон пошла отсюда, я сказал!

Я стала собирать вещи. Заправила раскладушку, подобрала разбросанные детьми игрушки. Внуки тут же «доложили» бабушке о моих «сборах». Алина Францевна из другой комнаты поманила меня пальцем, знаками показывая не перечить мужу и соблюдать спокойствие.

Зайдя к ней, я объяснила, что услышала из уст ее мужа и спросила: как быть в данной ситуации? Пожилая женщина обняла меня и вдруг горько-горько заплакала. Сказала, что он со всеми такой: пока есть от человека польза, выгода – он ему нужен. А нет, так и пошел на все четыре стороны.

– А от меня какая польза ему была, если два месяца ждал? Мог бы сразу выгнать...

Алина Францевна шмыгнула мокрым от слез носом и объяснила:

– Не скажи... Когда тебя спасли на Курилах и я с тобой сидела, пока твоя мама не вернулась с Сахалина, папа твой был очень растерян. Потом «пришел в себя» и снабжал нас всем, что сам добывал: рыбой свежей, соленой, копченой, икрой красной, мясом кабанов. Всем, чем мог. В знак своей благодарности. Этот-то ничего не умеет, хоть и вырос в деревне. Вот и привык к подношениям на своем месте финансиста. Даже когда в Москву вернулся, все просил твоего отца прислать икры, рыбы. Радовался, когда получал с оказией. Все свежее, вкусное, с дымком. Балык у отца отменный получался. Больше никогда такого не ела...

Мы помолчали. Алина Францевна продолжила:

– А когда папа твой попросил его помочь с переводом на «материк», даже пальцем не пошевелил. Это же напрягать кого-то надо, быть обязанным... Так что вы сами с Курил выбирались... А мама деньги дала за твое проживание... Я брать не хотела: понимала, как это тяжело ребенка снарядить. Проезд и все такое. Да зря она их вытащила: он сразу выхватил, пересчитал, ослабился... Вот поэтому она так рано и уехала – надеялась, если не возьмем деньги, походит по магазинам, обновки купит себе и тебе. Но вот пришлось уехать. Этот... постарался... Вот такой он... чудовище...

Меня решили в эту ночь «спрятать» у подруги дочери, где я и переночевала. А назавтра «чудовище» уезжал в санаторий и его не было бы еще месяц. Но месяц мне не нужен: завтра решалась моя судьба...

Той памятной одинокой ночью я долго не могла уснуть. Вертелась в чужой кровати, переключаясь то на один бок, то на другой, скрипя пружинами. Разглядывала темное августовское небо, смотревшее в окно своими беззвездными глазами и все задавала себе вопрос:

«Раз все так трудно складывается и меня здесь „не хотят“, то зачем все? Здесь ли мое место? Правильно ли я поступила, приехав сюда?»

Вопросы множились, не давая ответа моему измученному неустроенностью мозгу.

Мне предоставили отдельную комнату, посчитав, что необходимо отдохнуть от пережитого, выспаться. Но сон предательски не шел. И чужая одинокая комната, стала не местом «сладких снов», а камерой узника, помещенного в одиночку. У меня в душе бушевала буря.

«Почему он так поступил со мной? Сказал эти гадкие, обидные слова? Ведь деньги ему за меня заплатили... И месяц еще не кончился... Можно было сказать ему об этом там, в той комнате. Да разве найдешь нужные слова, когда вот так, сразу, получаешь удар „под дых“? „Задним умом“ все умные...»

Было жалко Алину Францевну... Я представила, какую жизнь она прожила с этим «чудовищем»: сама открытая по натуре, желавшая во всем помочь людям, была полной противоположностью своему нелюдному, скарредному мужу. Она работала учительницей в курильской школе. Ее любили и уважали дети и их родители. Решив, что «утро вечера мудренее», все-таки уснула ближе к утру.

С рассветом поехала в институт. Долго бродила по незнакомым улицам, поела в какой-то столовой. После нее меня через час вывернуло наизнанку. К настроению, и без того плохому, прибавилась бледность лица, и рези в желудке. Обессиленная, я нашла пустую скамью в сквере перед институтом и просидела на ней до самого вечера, ожидая заветного часа. Пыталась мысленно взвесить все шансы: «за» и «против». О плохом старалась не думать.

Списки вывесили вечером перед закрытием деканата. В них сто три человека. Меня в них... не было... Я трижды обшарила глазами все столбцы с фамилиями... Нет... Ноги у меня подкосились... я с трудом доковыляла до подоконника.

Вокруг царила восторженная атмосфера поступивших в вуз бывших абитуриентов – они обнимались, похлопывали друг друга по плечам, смеялись, договаривались о предстоящей встрече уже в стенах института. Тут же радостно балагурили их родители. Можно было сразу отличить этих счастливых людей от полностью несчастных.

Несчастные, удрученные произошедшим, поникшими взглядами скользили по белым листкам стендов, и кто тихо, а кто и громко плакали. Отходили в сторону «пролетевших», и уже там тесно обнимались с родителями, с трагическими выражениями лиц, откровенно рыдали: безудержно и горько...

В фойе института перемешались две атмосферы: торжество величайшего праздника и самого тягостного безутешного горя.

Мне захотелось побыстрее покинуть это место, и я нетвердой походкой пошла к деканату. Подергала за ручку запертую дверь и застыла, как в столбняке...

Я стояла долго. Видимо мое лицо было бледным, так как проходивший мимо парень обратил на это внимание и спросил:

– Девушка, вам плохо?

Я перевела на него свой взгляд и не ответила. Парень был не глуп и сам догадался, почему здесь, у деканата, стоит молодая девушка и на ней «нет лица».

Я направилась к выходу. Он пошел рядом со мной и вкрадчивым тоном стал объяснять, что деканат уже закрыт. Так всегда делают, чтобы не прошедшие по баллам «не ломились». А завтра декан будет часов с двенадцати и можно прийти задать ему свои животрепещущие вопросы. Он так и сказал: животрепещущие. Я, наконец, посмотрела на него и сказала:

– Спасибо.

Да какое уж там «спасибо».

Парень досеменил рядом со мной до выхода и напоследок ободрил:

– Набирают на факультет всегда больше списочного состава. Большой отсев. Так что, если похлопотать, то можно надеяться на успех.

Я еще раз сказала «спасибо» и поехала к Алине Францевне на квартиру. Они меня ждали и по невеселому виду все поняли... Зазвонил междугородний телефон: это родители спешили узнать «радостную» весть от дочери. Я взяла трубку и разрыдалась:

– Меня нет в списках, – на все вопросы твердила я.

В конце концов мама перестала их задавать и надолго умолкла. Она тоже плакала. Плакали Алина Францевна, ее дочь, внуки и еще один человек – мой отец.

– Ну, бери билет и приезжай домой, доченька. Чего ж там сидеть?

– Нет, я пока не приеду. Завтра пойду в деканат и все разузнаю подробно. Может есть недобор на других факультетах? Потом, можно на стройке годик поработать. Ничего, приобрету опыт...

– Только никаких строек! – Мама уже оседлала своего любимого конька, под названием власть.

– До завтра, мама. Папу успокой.

– Да какое уж тут успокоение... С валидолом сидим... – устало выдохнула мама.

Связь прервалась.

Мое очередное бессонное завтра наступило. Ровно в двенадцать часов я была у деканата. Постучавшись, вошла в небольшую комнату, заставленную четырьмя столами, двумя шкафами и сейфом, где восседали четыре человека: двое дородных мужчин и две женщины «за пятьдесят».

Мужчина, сидевший за столом слева от меня, обладал громогласным басом. Рост – ниже среднего, с крепкой фигурой борца. Черты лица крупные, нос и щеки покрыты испариной, волнистые волосы блестели от влаги. Это был декан дневного отделения.

– Вы ко мне? – Он оглушил меня своим голосом. Я почувствовала на себе любопытные взгляды всех присутствующих.

– Да. Я не добрала полбалла и теперь не знаю, что делать и... где его взять. Хотела учиться на вашем факультете. Но если на соседних, сходных по профилю, недобор, то хотела бы перевестись на какой-нибудь из них...

– А кто твои родители? Откуда ты приехала? – Декан сидя перелистывал какие-то бумаги, складывая их в стопку и машинально продолжал задавать вопросы.

– Мой отец простой человек... Я из Грозного. – Ответила я, наслышанная о «взятках», «лапах» и всем таком.

После моих слов декан побагровел, вскинул на меня свои пронзительно горящие глаза, медленно поднялся со своего места и, хлестко хлопнув пачкой бумаг по столу, заорал на меня так, что кажется затряслись стены, столы и стоявшие на них письменные приборы:

– Я не спрашиваю какую должность занимает твой отец!!! Я спрашиваю – кто твой отец!?!?

– Капитан Советской Армии. В запасе – быстро протараторила я.

Возникла тягучая пауза: я теребила ремень от сумки, декан стоя собирал разлетевшиеся от удара бумаги.

– Хорошо... Напиши в коридоре заявление на имя ректора, все там укажи: про баллы, про родителей, про спорт... Ты же спортсменка?

– Да...

– Вот и славно... А первого сентября придёшь, и я дам ответ. Вернее, ректор даст ответ. Поняла? Но общежития и стипендии у тебя может не быть. Справишься? Не придешь к нам сюда в деканат с чемоданом?

– Да. Справлюсь. Не приду. – Ответила я робко, пока не надеюсь на удачу.

В «первый погожий сентябрьский денек», как в школьной песне, я пришла к институту. Студенты выстроились буквой «П» и ждали декана. Из громкоговорителя лилась бравурная музыка. Все улыбались, смеялись. Я встала в сторонке, чтобы «не отвечивать», тем более, что многие из старых знакомцев по подготовительным курсам и экзаменам потеряли ко мне всякий интерес. Им неудачники не нужны... Ощущала себя «невестой», которую бросил «жених» и она тайно пришла посмотреть на его «свадьбу».

Декан появился неожиданно в окружении комсомольской свиты парней и девушек. Решительным шагом, раздавая направо и налево указания, проследовал к выстроившимся на линейке студентам. Проходя мимо меня, остановился и сказал:

– А ты, Наташа, что не в строю? Вставай и можешь считать себя с этого дня студенткой нашего факультета!

Я одурела от услышанного... Кровь прилила в голову. Я налетела на декана, как птица с распростертыми крыльями и неистово расцеловала его в обе щеки, лоб под бурные аплодисменты всех окружающих. Он смутился, с трудом высвободился из моих объятий и легонько подтолкнул меня вперед...

– Ну, ну... Иди... Тебя все ждут!

Я встала с краю моих теперешних собратьев по учебе. Как оказалось, на долгие пять лет...

«Тебя все ждут!» – эхом отдавалось в моей голове.

– Мама, папа! Меня взяли! Ура! Я – студентка!

На противоположном конце провода теперь от счастья плакали родители, а здесь, в комнате, прыгали, смеялись дети и утирали глаза взрослые...

Главное, как мне тогда казалось, свершилось... Несмышлениш, я только только начинала понимать: почему Москва слезам не верит...

Шел дождь...

Какие дожди шли в моей жизни? Разные... Чем особенным врезались в память, оставили свои отметины? Конечно же, отношением людей. Главной ценностью жизни любого человека...

Первый весенний ливень, заставший меня на железнодорожной платформе, случился в начале мая. Я возвращалась из подмосковного города от однокурсницы в столицу и попала под его магическое шуршание. Дождь начался внезапно, издавая сначала тихие звуки «шшшшшш», а потом полил быстрее, ретивее, как бы говоря людям:

– Что вы тут стоите? Разбегайтесь, а то промочу до нитки!

Все и разбежались: резвая молодежь попрыгала вниз и спряталась под платформой. Пожилые с завидной скоростью побрели на противоположную сторону под навес. Я же, как вкопанная, стояла на прежнем месте... Зонта у меня с собой не было. А совершенно «лысая», без намека на крышу, платформа, ввела меня в какой-то временной ступор и держала в дождевом оцепенении...

В воскресенье обычно велись ремонтные работы и электрички ходили с отклонениями от расписания. Я это знала, но упрямо стояла и ждала «у моря погоды». Полиэтиленовый пакет, пристроенный на голову, не спасал от дождя. Я тупо продолжала мокнуть. Промокла насквозь, окончательно и бесповоротно... Джинсовый костюм стал «дубовым», босоножки чвакали в луже, готовые расклеиться по швам у такой нерадивой хозяйки.

Мимо прошел парень под раскидистым зонтом, остановился рядом со мной и спросил:

– Девушка, вы просто так стоите под дождиком или что-то демонстрируете?

Капли перестали осыпать меня, и я с любопытством рассмотрела обладателя зонта появившейся на до мной «крыши»:

– Просто стою. Зонт забыла...

– Тогда понятно... Молодежь прыгнула под платформу... А вы? Не захотели?

– Нет. Там парни и девушки. Я – одна, их не знаю. Кто бы меня вытягивал оттуда?

Парень смотрел на меня, как на инопланетянку...

– А я об этом не подумал... Хорошо, будем так стоять. У меня пока есть время...

Стояли молча. Через некоторое время парень проговорил:

– Забирайте зонт, девушка. Мне, к сожалению, пора... А то я бы простоял так с вами всю оставшуюся жизнь...

– А как же вы? Без зонта?

– Я здесь неподалеку живу. Вы мне продиктуйте свой телефон, и я к вам за ним непременно заеду. Договорились?

Я назвала цифры. Парень вставил ручку зонта в мои окоченевшие пальцы и выскользнул под струи непрекращающегося ливня.

Электричка подошла через десять минут. Все это время дождь не престаивал, шелестя теплыми, прямыми струями.

«А дождик обложной, надолго...» – стуча зубами от сырости, подумала я...

Вошла в тамбур переполненной электрички. Ноги успели замерзнуть, и я как-то неестественно, бочком, чтобы никого не задеть, прошла вглубь вагона.

Мест было несколько, и я присела около дородной полной русской женщины в открытом летнем платье. Она о чем-то увлеченно говорила со своими соседями и, как мне показалось, не обратила особого внимания на мою мокрую одежду. Между ног у нее стояла увесистая сумка с банками. Из сумки аппетитно пахло клубникой, пирогами и еще чем-то сладким, домашним.

«Наверное, в город в гости едет. Везет всего и много...» – грустно подумала я, пытаюсь унять вдруг откуда-то взявшееся чувство голода...

Я старалась сидеть ровно, чтобы своей «мокрятинной» не задеть соседку. В вагоне было тепло от дыхания множества пассажиров. Закрытые окна запотели от влаги. Я вскоре согрелась: мои зубы перестали отбивать «чечетку».

Потихоньку стало клонить в сон, и я задремала под мерный перестук колес. Во сне мне снилась бабушка, деревенская русская печь: как я прислоняюсь к ней и от нее идет сухое, жаркое тепло, такое родное, знакомое. Я снимаю с себя мокрую одежду и залезаю наверх, вглубь печи, где пахнет травами, зверобоем, душицей, мятой и кисловатым запахом сушеных грибов. Вот любимые овчинки, на которых я располагаюсь, ватное одеяло. Накрываюсь до шеи. Мне тепло... Я проваливаюсь в забытие...

В Москву электричка приходит вовремя. Часть пассажиров покидает вагон и меня тихонько трясут за руку. Я открываю глаза и вижу, что прислонилась всем телом к своей соседке и полулежу на ней. Быстро встаю, говорю:

– Извините... – и уже хочу выйти, как получаю в руку печеный пирожок с клубникой. Недоуменно смотрю то на него, то на свою дородную спасительницу, ее широкую, добрую улыбку и убегаю из вагона... Мне хочется плакать...

На перроне холодно. Зубы снова начинают свой «танец», и я со всех ног несусь по подземному переходу, жуя пирожок, мысленно благодаря свою спасительницу и мечтаю о горячем душе, раскладушке и мамином китайском пуховом одеяле, поджидающем меня в комнате на съемной квартире...

И вот я дома. Сбрасываю сырую одежду в ванной и залезаю под обжигающий душ. Стою долго-долго... Вспоминаю свою кустодиевскую соседку, которая не только не оттолкнула меня, насквозь промокшую неизвестную ей девчонку, а наоборот – всю дорогу согревала своим теплом, щедро даря его и, как курица-наседка, позаботилась обо мне...

«Вот кому-то счастье прибудет... такая добрая женщина... Русская мадонна...»

После душа я высушила феном волосы, улеглась в провисшее нутро раскладушки и заснула...

Мне снился весенний дождь... «Шшшшшшшшш»... Он напевал мне свою убаюкивающую мелодию... Во сне я вспоминала незнакомца с зонтом и крепко сжимала подаренный пирожок с клубникой... Мне, наконец-то, было тепло...

Парень так и не приехал... Может закурился в делах, а может посчитал мелочным забирать такую нужную в быту вещь у «мокрой» курицы... А я ждала... Долго ждала... Зонт переезжал со мной с одной квартиры на другую, пожил в общежитии и, наконец, бесследно исчез в его недрах... Ведь я его отдавала всем нуждающимся в его защите в память о своем незнакомце на той дождливой подмосковной платформе, который поселил в моей душе нечаянную радость... Ведь он хотел простоять со мной под одним зонтом всю свою оставшуюся жизнь...

Стальная проволока

Женихов мы стали искать сразу же, как поступили на первый курс института. Искать женихов – это для первокурсниц забава такая, чтобы было веселее жить... Мы – это две мои институтские подруги и я. Заправляла процессом самая старшая и опытная из нас Татьяна. Ее выбор безоговорочно пал на институт военных переводчиков, где, по ее мнению, «ковались» необходимые нам кадры. Татьяна была москвичкой, старше нас на два года, «знала жизнь», и мы полностью полагались на нее в амурных делах. Вторая девчонка из нашей компании жила в ближайшем Подмосковье. Звали ее Марина. Я же прибыла их южной автономной республики. Чувствовала себя глубокой провинциалкой и хотела побыстрее избавиться от этого нелестного звания.

Вот в таком составе мы и двинулись на вечер отдыха в неизвестный нам доселе институт. Цель нашего похода четко обрисовала Татьяна: узнать на каком факультете учится будущий «претендент» на нашу руку и сердце, в какую страну его могут послать после окончания вуза, и, соответственно, какое будущее «светит» каждой из нас. Стоит ли тратить на него свое драгоценное время?

Татьяна была помешана на загранице. Мечтала удачным замужеством «построить» свое светлое будущее. Я только что с большим трудом обрела заветный студенческий билет и кроме учебы ни о чем не думала. Рассеянно слушала Татьяну, которая, как мне показалось, уже успела побывать в стенах этого военного заведения... И не раз. Тем не менее, мы во всем доверились подруге и шли «паровозиком».

Лично меня заграница мало интересовала. Конечно, мне нравились вещи, которые там производились, их качество. На Курилах и Камчатке мама частенько обзаводилась импортом, в основном, японского и китайского производства. Кое-что из вещичек перепало и мне. Я хотела соответствовать моде, производить яркое впечатление на окружающих, особенно парней.

Но это были всего лишь красивые и модные вещи: ни о какой загранице, как о месте для жительства, мы не мечтали. Мы любили свою родину и считали ее самой лучшей в мире. А уж выходить замуж ради жизни на чужбине, ради каких-то шмоток, хоть и на короткое время, эта мысль вообще никогда мне в голову не приходила.

Я шла с подругами больше из любопытства, новизны ощущений. Ведь я была совсем еще несмышленная девчонка, только что вырвавшаяся из-под опеки родителей, и еще ни разу не бывавшая на настоящих танцах. Я просто поддерживала компанию.

Вечер удался на славу. Ко мне, пришедшей в черных брюках клеш, югославских ботинках на толстой подошве, ажурной вязанной белой кофточке, сквозь узоры которой просвечивал такой же ажурный бюстгальтер, с распущенными до пояса длинными волосами устремился курсант пятого курса. Парень был среднего роста с приятными, но навязчивыми манерами, с какими-то скороспелыми хозяйскими замашками по отношению ко мне. Его привлекли в моем облике, как он потом рассказал, мои длинные русые волосы. Он не отходил от меня ни на шаг. Даже в «дамской» комнате от него невозможно было скрыться – он зорко стерег меня около выхода.

И вот вечер позади. Особенно настойчивым кавалерам розданы номера телефонов, получены взамен их номера. Через неделю нам назначили свидания, на которые мы обещали обязательно прийти... И все. По дороге к метро все весело смеялись и обсуждали каждого претендента в отдельности. Пустые вагоны метро развозили нас по домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.